

ФИЛГУД-
ФЭНТЕЗИ
,

В моем болоте утонула ведьма

Молли О'Нилл

ВАШ ПЛАН ПО СПАСЕНИЮ МИРА
НЕДОСТАТОЧНО АБСУРДЕН. МЫ ИСПРАВИМ!

Молли О'Нилл

В моем болоте утонула ведьма

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74289441
В моем болоте утонула ведьма: РОСМЭН; Москва; 2026
ISBN 978-5-353-12221-0*

Аннотация

Под гладкой, как зеркало, поверхностью озера живет монстр Дженни. Характер у нее скверный, аппетит отменный, а ее обеды обычно состоят из случайных путников. Но однажды, вместо того чтобы перекусить тонущей ведьмой, Дженни спасает ее.

Вместе с гоблином-торговцем – ведь команда должна быть по-настоящему пестрой! – они отправляются спасать старую добрую Англию от древнего зла.

Их ждет путешествие по Диким Тропам, битва с чудовищным вепрем, встреча с последним единорогом – и финал, который перевернет все их представления о добре и зле.

А еще открытие: иногда родную душу можно найти в том, в ком раньше видел только обед.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	84
Глава 6	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Молли О'Нилл В моем болоте утонула ведьма

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение и употребление алкогольных напитков. Курение и употребление алкоголя вредят вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

Copyright © 2025 by Molly O'Neill

ALL RIGHTS RESERVED

This edition is published by arrangement with Greyhound Literary Agents and The Van Lear Agency LLC.

© ООО «РОСМЭН», 2026

* * *

Моим родителям

Ваши мамы или бабушки наверняка вам о нас рассказывали. Зимние ночи, когда воет ветер в трубе и тени от очага пляшут по стенам, – самое время для жутких сказок. Сказок про таких, как мы. Правда ведь, вы любили свернуться под одеялом и слушать про привидений, и эльфов, и гоблинов? Про Дженни тоже сочиняют сказки, но и мы, и прочие фейри гораздо реальнее, чем того хотелось бы вашим матерям.

Глава 1

Кажется, ведьма не ожидала меня увидеть: она яростно моргала, уставившись на меня сквозь толщу мутной воды. И чему она так удивилась? Это же мое озеро; конечно, я приплыла бы посмотреть, что в нем тонет и можно ли это съесть.

День был весенний, не по сезону жаркий. Озеро только-только начало опять зарастать водокрасом; крохотные зеленые почки качались на воде, раскрываясь навстречу теплу. Я, как всегда, занималась своими делами: прибирала на дне разросшиеся корни. Лучи яркого солнца пробивались через водоросли, и весь мусор, незаметный в темные зимние месяцы, был теперь отлично виден. Шугнув стайку алохвостых окуней, я принялась вытаскивать из донного ила какие-то затонувшие ветки.

Я люблю, когда все чисто и аккуратно. С поверхности, мо-

жет, и не разглядеть, но у меня в озере полный порядок, отличный водооборот и лучший улов форели во всей Западной Англии. Даже лягушки мои красивее, чем в других озерах, хотя на вкус такие же. Пусть я не человек, это не повод расслабляться. Уход за озером очень важен, чтобы в нем водилась рыба и не портилась вода, не говоря о том, что я просто не выношу бардак. Пожалуй, для существа вроде меня необычно иметь страсть к порядку, но вообще-то я ведь не старая злая ведьма. А вот кто я такая, сама не знаю толком. Просто Дженни. Зеленозубая Дженни, так меня зовут. И маму мою так зовут, и ее маму тоже, и всех нас, кто жил и живет в озерах и реках этой земли вплоть до самого их истока. Мою дочку тоже зовут Дженни, хотя, пока она жила со мной, я называла ее Крошкой Дженни, а потом она стала Дженни-из-Пруда-под-Ивой. Полагаю, мое полное имя – Дженни-из-Озера-у-Чиппинг-Эпплби, но это, на мой вкус, чересчур длинно, так что пусть будет просто Дженни.

«Звать нас Дженни, Дженни мы и есть» – так моя мать говорила и была права, хоть сама она сухая ворона. Не в буквальном смысле, конечно. И против ворон я ничего не имею, они очень даже вкусные, если их ощипать, но я предпочитаю быть озерной Дженни. Плавать куда безопаснее, чем летать.

А ваши мамы или бабушки наверняка вам о нас рассказывали. Зимние ночи, когда воет ветер в трубе и тени от очага пляшут по стенам, – самое время для жутких сказок. Сказок про таких, как мы. Правда ведь, вы любили свернуться под

одеялом и слушать про привидений, и эльфов, и гоблинов? Про Дженни тоже сочиняют сказки, но и мы, и прочие феэри гораздо реальнее, чем того хотелось бы вашим матерям.

Если вы считали, что все это просто досужие выдумки, то я вас удивлю: в них немало правды. Зубы у меня не зеленые – это, пожалуй, главное вранье, – но они длинные и острые, такие острые, что я могу рыбу перекусить пополам. Очень полезно, когда живешь в озере. У меня зеленая кожа, цвета мха, что растет на стволах деревьев на берегу. И волосы тоже зеленые, когда сухие, но в воде они кажутся темными. Ростом я, должно быть, примерно с человека, хотя сказать трудно. Людей я вижу обычно при двух обстоятельствах: они либо в ужасе от меня отползают, либо плавают в озере лицом вниз. В общем, неудобно примериваться.

Должно быть, мама вас предупреждала, что от мутных вод надо держаться подальше? Говорила, какое чудище сидит под густыми листьями кувшинок на илистом дне и только и ждет, чтобы сцапать невинное дитя и сожрать на обед?

Это хороший совет, если в местном озере обитает Дженни, хотя мне лично давно уже неохота таким заниматься. В человеческом ребенке довольно много мяса, а я обычно не так уж голодна. Мне хватает рыбы и лягушек, а еще иногда крестьяне топят в озере котят – очень мило с их стороны, хоть и замучаешься потом выковыривать шерсть из зубов.

Котята мне достаются обычно весной, когда у всех зверей рождаются детеныши. И в тот весенний день, услышав гром-

кий всплеск, я решила, что это кто-то из крестьян любезно подал к моему столу первый ненужный приплод.

Бросив перетаскивать по дну гнилое бревно, я смекнула, что надо бы найти кроличью косточку вместо зубочистки. Поглядела наверх, ища, где плеснула вода. Я люблю быстро поймать мешок и утянуть на дно. Когда животные паникуют, у мяса портится вкус, и хоть я и озерное чудище, но принципы у меня есть. Поэтому мать говорила, что я мягкотелая. Заметив круги на поверхности воды, я подумала, что они крупнее, чем могли бы быть от брошенного мешка с котятками. Под водой я не очень хорошо слышу, но, поднапрягшись, различила радостные людские крики. Люди смеялись... или вопили от страха? Никогда не поймешь, они по всякому поводу устраивают шум. Может, случайно закатили в озеро телегу и теперь суетятся, пытаясь ее вытащить? Тогда, пожалуй, можно повеселиться. Деревенские вообще-то побаиваются моего озера, и, если я тихонько подплыву и схвачу кого-нибудь за ногу, он так заорет, что мертвого поднимет. Я хихикнула, представив эту картину.

Так или иначе, надо было выяснить, что происходит, и я оттолкнулась от дна и поплыла наверх. Мои длинные волосы, только что расчесанные, струились за мною следом, а солнечный свет приятно касался кожи. Я открыла рот, пробуя озерную воду. В ней был какой-то металлический привкус – может, кровь, но совсем немного. Всплеск раздался со стороны деревни, и мне потребовалось несколько минут, что-

бы переплыть озеро. Я поднялась к поверхности и глянула сквозь заросли водокраса.

На берегу собралась небольшая толпа людей – они стояли и махали своими крошечными розовыми ручками. Лиц я не узнавала, но все это были крестьяне в одежде из серо-бурого льна – уже сотни лет они так одевались: женщины в киртлах¹, мужчины в штанах и рубашках. Мне трудно отличать людей друг от друга, и большинство из них были слишком молоды, чтобы я знала их по именам, – но и не так юны, чтобы устраивать какие-то игры. Один человек – похоже, мужчина – стоял ко мне спиной и что-то выкрикивал. На нем была большая черная шляпа и темная накидка, поновее и не такая перештопанная, как одежда у крестьян. Он чуть повернулся, и я увидела его лицо, маленькие глазки и поджатые губы. Лицо это было перекошено от злости, и он указывал рукой себе за спину, на озеро.

«Этот, видно, глупее всех», – подумала я и опустилась под воду.

Похоже, в озеро люди лезть не собирались – вот и хорошо. Я огляделась, ища, что они бросили в воду. На поверхности ничего не плавало – наверное, уже опустилось на дно. Я изогнулась, высматривая, куда оно упало. А, вот! Прямо под мной из гущи водорослей поднималась цепочка крохотных пузырьков. Я перевернулась вниз головой и нырнула глубже, раздвигая водоросли длинными пальцами.

¹ Киртл – средневековое женское платье. – *Здесь и далее примеч. пер.*

К моему изумлению, на дне озера сидел человек. Женщина, поняла я, бледнокожая и большеглазая. Она смотрела на меня с таким ужасом, будто встретила наяву свой ночной кошмар. В общем, так ведь оно и было. А вот женщина явно была ведьмой, судя по тому, что она держала у лица руку, сжатую в кулак, а вокруг кулака собрался воздушный пузырь. Она пыталась дышать этим воздухом, но с заклинанием что-то не получалось, и из носа у ведьмы то и дело вырывались мелкие пузырьки и всплывали к поверхности. При этом каждый раз большой пузырь уменьшался, а женщина сильнее сжимала кулак, как будто старалась пальцами удержать воздух.

Как по мне, не очень-то умный способ учиться дышать под водой. Зачем прыгать в озеро? Не говоря о том, что рискуешь нарваться на всяких водяных чудищ, для новичка сразу нырять на дно – очень опасное упражнение. Можно ведь, допустим, просто сунуть голову в ванну. Если у ведьм теперь такая мода, то я ее не одобряла. Я уже говорила, что люблю порядок, а если какие-то непонятные ведьмы будут тут мутить воду, хлопот не оберешься.

Как отнестись к незваной гостье, было пока непонятно, но мы, Дженни, всегда начинаем с улыбки. И я улыбнулась как можно шире. Ведьма еще сильнее выпучила глаза, и ее шарик воздуха взорвался роем крохотных пузырьков. Ну вот, теперь дышать ей нечем, она быстренько всплывет и оставит меня в покое. Но, к моему удивлению, ведьма продолжала

сидеть на дне, сжимая и разжимая руку, будто пыталась восстановить чары.

Я подплыла ближе, продолжая улыбаться до ушей. Зубов у меня много, сверху и снизу по три ряда, все блестящие и острые как иглы. Говорят, эффект сногшибательный, и на людей до сих пор действовал безотказно: мало кто не наложил в штаны и не завопил: «Мама!» Но ведьма оставалась на месте. Я протянула к ней руку. Она отпрянула, но как-то неловко, дернувшись, точно рыба, выброшенная на берег. Я присмотрелась и поняла, в чем дело. На ней были железные кандалы, надетые на правую руку и левую ногу, – их, похоже, выковали совсем недавно, и они блестели даже здесь, на дне, где почти не было света. Теперь понятно, откуда в воде металлический привкус. Но зачем ведьме надевать кандалы, прежде чем прыгнуть в озеро? По-моему, смысла в этом не было, но ведьмы – странный народ, даже среди людей. Может, она пыталась сотворить какое-нибудь особое заклинание, и как раз поэтому люди на берегу кричали и подбадривали ее. Но все равно это не повод нарушать порядок.

Я ждала, что ведьма сбросит оковы, но она продолжала биться, как рыба в сачке. Видно было, что она слабеет и воздуха в легких почти не осталось. Ведьма глянула на меня, и в глазах ее вспыхнул страх. Она не меня боится, поняла я, – это страх зверя, попавшего в ловушку.

А может, она не сама прыгнула? Может быть, эти люди, что вопят на берегу, *бросили* ее в озеро? Как мешок с котя-

тами. Это совсем другое дело, но перемена не к лучшему. Только утопленных ведьм мне не хватало.

Если ведьму бросили в озеро, мне что теперь, ее съесть? Я нахмурилась. Мысль не очень-то вдохновляла. Я уже очень давно не съедала взрослого человека целиком, а ведьм не ела вообще никогда. Интересно, на вкус они другие? А вдруг съесть ведьму – к несчастью? И вообще я человечину не люблю – очень уж запах своеобразный. Пока я все это обдумывала, ведьма рванулась в последний раз, последний пузырек воздуха сорвался с ее губ, и она затихла.

Я шевельнула рукой, чтобы послать волну и проверить, не притворяется ли она. Но нет, никакой реакции. Женщина висела в воде, как тряпичная кукла.

Она умерла? Трудно сказать, надо бы взглянуть поближе. Известно, что ведьмы хитры; я подплыву, ткну ее пальцем, а она вдруг очнется и заколдует меня. Оставить ее здесь или вытащить на поверхность? Если эти люди на берегу бросили ее в озеро, то они, видимо, хотели, чтобы ведьма утонула. Ну уж извините, мне не надо, чтобы она тут сгнила, у меня на дне должно быть чисто. Может, все-таки съесть? Но есть не хочется, а от свежего мяса наверняка будет несварение. Тогда проваляюсь не один день, а дел в озере весной непочатый край.

Черные волосы ведьмы окутывали ее, как облако. И я вспомнила Крошку Дженни: у нее в детстве, когда она жила тут со мной, были такие же волосы. Только покороче, до

плеч. Ту, кто напомнила мне о Крошке Дженни, я точно есть не буду, решила я. Ни есть, ни бросать ведьму тут, ни поднимать на поверхность. Придется забрать ее в другое место.

Я схватила ведьму за плечо и притянула к себе. Под вздутым платьем она была совсем худенькая, и я просто сунула ее под мышку. Наверное, для ведьмы кандалы были тяжелые, но все Дженни очень сильные, и я даже не заметила веса, когда устремилась сквозь толщу воды к моей пещере. На пути возникла любопытная щука, но я шугнула ее. Щука скорбно моргнула и скрылась в глубине.

Не люблю хвастаться, но пещера у меня очень уютная. Попасть в нее можно через подводный туннель на восточном краю озера. В сущности, пещера – это небольшая полость выше уровня воды, поэтому в ней есть воздух. Размером она примерно десять на десять шагов. В стенах есть туннели поменьше, уходящие вглубь берега, но я ими никогда особо не интересовалась. Постель я себе устроила у дальней стены, а стены увешала всякими безделушками. Ведь чего только люди не набросали в озеро за тысячу лет! Горы старых монет с профилями лордов и королей – наберется, пожалуй, дюжина разных лиц. Стекланные бутылки и глиняные чашки; статуэтки и фигурки из кости, рога и дерева. У меня, между прочим, есть интересная коллекция черепов – по одному от каждого вида зверей, утонувших в озере. А мой самый любимый предмет – старинный меч. Его кто-то бросил в воду давным-давно, когда я только тут поселилась. Меч очень

красивый, и на рукояти есть какая-то надпись, но я не могу ее прочесть.

У меня есть даже блуждающий огонек в банке – я его использую вместо лампы. Конечно, я и так вижу в темноте, но подумала, что с ним будет уютнее, и купила огонек у разносчика, который ходит тут по округе и торгует со всем волшебным народом. Это было ошибкой: теперь тот разносчик все время ко мне заглядывает, пытается что-нибудь мне всучить или просто поболтать. Но огонек все-таки красивый, и мне нравится смотреть, как он мерцает.

Доплыв по туннелю до пещеры и выбравшись из воды, я, как всегда, радостно огляделась. Для ведьмы тут было полно места, но я не знала, куда лучше ее пристроить. У края не оставишь – еще скатится обратно в воду, но если положить на постель, моему гнездышку придет конец. Не подумайте, что я привереда, но не так просто было уложить как следует камыши и тростник, чтобы потом уютно спать, свернувшись клубочком. В конце концов я нашла компромисс: опустила ведьму на пол и села между ней и кромкой воды. Оказалось, что женщина лежит неудобно, лицом вниз, и я ее перевернула. Запястье и лодыжка все еще были закованы. Я взялась за кандалы, поморщившись от прикосновения к металлу. Фейри не любят железо – нам больно до него дотрагиваться. Впрочем, Дженни к железу не так чувствительны, как высшие фейри: люди все время бросают всякие железные штуки в наши озера и реки, а я к тому же посильнее

многих. Меня железо только покалывало, будто оса, которую держишь в пальцах. Ухватив кандалы покрепче, я без труда разорвала их, разогнула руку ведьмы и уложила ее поудобнее.

Потом я поискала и нашла аккуратное сложенное льняное платье – одно из тех, что купила у разносчика. Я редко ношу одежду – разве что когда общаюсь с тем же разносчиком, – но подумала, что ведьме так будет спокойнее. Накинув платье через голову, я натянула и аккуратно одернула его. Платье доходило мне до колен. Довольная собой, я обернулась и посмотрела на ведьму. Глаза ее были закрыты, и грудь, кажется, не поднималась.

Я задумалась. Люди ведь, как и прочие наземные существа, любят дышать воздухом, а ведьма не могла дышать, когда внутри у нее полно воды. Надо что-то с этим сделать. Соображать, как спасти человека от утопления, было для меня в новинку. Может, просто вылить из тела воду?

Я взяла ведьму за ноги и подняла их вверх. Она продолжала лежать без движения. Так, похоже, этого недостаточно. Тогда я подняла женщину за лодыжки, так что она повисла вниз головой, и стала трясти. Ведьма болталась в воздухе, подметая волосами пол. Я нечаянно стукнула ее головой о землю, дернула повыше и снова затрясла. Сначала ничего не происходило, но вдруг раздался громкий булькающий звук, и у женщины изо рта стала извергаться бурая озерная вода. Я продолжала ее трясти, пока водянистая желчь не залила

весь пол, а ведьма не перестала кашлять. Глаза ее все еще были закрыты, но теперь она определенно дышала. Я была уверена, что для человека это хорошо.

Я стала уже опускать ведьму на пол, но сообразила, что нельзя же ее класть в эту мерзкую лужу. А больше девать женщину было некуда, так что я просто закинула ее на плечо, вытерла пол шваброй и только потом уложила ведьму обратно. В тусклом свете блуждающего огонька было плохо видно, но вроде бы ее щеки слегка порозовели. Хороший признак, подумала я.

Что ж, начало положено, ведьма дышит, но не замерзнет ли она? Ясно, что дрова в подводную пещеру не так-то легко принести, даже если бы я вздумала устроить у себя очаг. Но он мне совершенно не нужен. Дженни не любят огонь, мы насквозь водяные создания, и в пещере у меня все приятно влажное. Я придвинулась к ведьме и потрогала ей лоб. Кожа была теплая и уже начала обсыхать, но одежда была все еще мокрая до нитки. Так недолго и простыть. Я решила снять с ведьмы хотя бы несколько из слоев одежды, которые люди так любят на себя наворачивать.

Сложнее всего оказалась обувь: какие-то крючочки, шнурки, узелки. Я очень старалась ничего не испортить, но все-таки порвала пару завязок. Вылив из ботинок воду над входом в туннель, я поставила их на пол. Под ботинками оказались вязаные носки – их я выжала и повесила рядом с блуждающим огоньком. Одета ведьма была в киртл из плот-

ной материи, затянутый шнурками поверх тонкой льняной сорочки. В карманах нащупывалось что-то интересное, но я сдержалась и не стала смотреть. Шнурки на киртле были потолще, чем на ботинках, и я сумела благополучно их развязать. Сняв с ведьмы платье, я повесила его на меч, рядом с носками. Сорочку решила оставить – решила, что она тонкая и без киртла высохнет на теле сама. Подумав, я убрала из коллекции костей человеческий череп и спрятала его за спальным гнездом. Когда ведьма наконец проснется, ни к чему ее пугать.

Теперь, когда утопленница могла дышать и избавилась от мокрой одежды, я задумалась о других трудностях поддержания человеческой жизни.

Когда женщина придет в себя, то, вероятно, захочет есть. Я могла бы пойти на охоту, но не хотела оставлять ведьму одну – вдруг она попробует сбежать. Когда-то давно я принесла в пещеру кролика, чтобы держать его как питомца. Но это плохо кончилось. Глупый кролик запаниковал, попытался убежать и утонул в туннеле. У меня даже не хватило духу его съесть, и я отдала тушку озерной щуке. Ведьмы должны быть поумнее кроликов, но все же они смертны, а еле живая ведьма, которую чуть не утопили в озере, может и совсем плохо соображать. Я решила пока никуда не ходить, опять села на пол, устроилась поудобней и стала смотреть, как ведьма дышит, как грудь ее слегка поднимается и опускается.

Она и правда напоминала мне дочь. Такой же маленький носик, большие уши и чуть волнистые волосы были у Крошки Дженни, когда я ее нашла. Еще до того, как я сделала ту малышку своей дочкой. Сходство привело меня к мыслям о том, как Дженни создают себе подобных. Может, мне из этой ведьмы тоже сделать Дженни?

Любая Дженни на такое способна, но происходит это не очень часто. Мы не рожаем своих детей. У нас нет мужчин, и честно говоря, человеческий способ воспроизводства кажется мне омерзительным. Своих детей мы создаем из чужого брошенного потомства.

За то время, что я живу в этом озере у Чиппинг-

Эпплби, сменилось сорок поколений людей, а у меня была всего одна дочка. Она пришла ко мне, наверное, зим двести назад. Я помню ту ночь, как вчера. Озеро замерзло у берегов, и лесные олени осторожно ступали по льду, чтобы напиться из полыньи в середине. Зимой я почти не покидаю пещеру и не плаваю в озере, тем более ночью, но небо было чистое, и я хотела посмотреть на звезды. Я лежала на воде почти в самом центре озера, когда вдруг услышала: кто-то скулит. Подумала, что это лисенок, но, глянув в том направлении, увидела брошенный на лед тряпичный сверток и быстро удаляющуюся к берегу фигуру в плаще. Я выбралась на лед, осторожно просеменила ближе и схватила сверток.

В нем был человеческий младенец, голенький, совсем крохотный. Девочка. Она посмотрела на меня большими си-

ними глазами и беззубо улыбнулась. Я сунула палец ей в рот – пососать. Девочка была еще в крови и слизи, и я окунула ее в воду. Ребенок взвизгнул от холода, но человеческие малыши любят плавать, и уже скоро девочка радостно плескалась в воде. Однако была зима, и я знала, что ребенок долго не протянет.

Я вспомнила рассказы матери о своем собственном рождении. Прокусила себе запястье и, поднеся его к лицу девочки, капнула немного крови ей в рот. Когда малышка проглотила, я опустила ее под воду и держала там, пока вода не наполнила легкие. Девочка умерла быстро, но я баюкала ее на руках, пока не началось превращение. Кудрявые волосы выпрямились; проклюнулись, как молодая травка, ряды острых зубов. Голубые глазки расширились и потемнели, чтобы лучше видеть в глубокой воде. К утру она плавала как рыбка, сама ловила лягушек, и я стала учить ее, как быть озерной Дженни.

Семнадцать лет она жила со мной, пока я не нашла ей собственный пруд, и очень даже симпатичный. Хотя без меня порядок там вряд ли держится – Крошка Дженни всегда была неряхой. Но пока она росла, иметь компанию в озере было приятно. Если превратить эту ведьму в Дженни, она, наверно, так надолго не останется – все-таки уже взрослая. И вообще неизвестно, выживет ли. «Нет, плохая идея», – подумала я, поджимая под себя ноги.

Ведьма все не просыпалась. Я чуяла, что день клонится

к вечеру; должно быть, солнце уже закатилось за яблоневую рощицу на западном берегу озера. С тех пор как ведьма начала дышать, она даже не пошевелилась, и мне надоело на нее смотреть. Я решила поиграть с монетами: разложить их по мере увеличения носов у королевских профилей. Потянувшись за стопкой монет, я наклонилась над ведьмой, и тут она вздрогнула и открыла глаза.

Глава 2

Надо отдать ведьме должное: вопила она не дольше минуты. Я наклонилась над ней совсем низко и к тому же, стараясь дотянуться до монет, от усилия наморщила лоб. Должно быть, ведьма приняла это за жуткую гримасу. В довершение картины от ее вопля я подскочила, запнулась о ведьмины ноги и сама взвизгнула от неожиданности.

Ведьма быстро отползла от меня, рассыпав аккуратные стопки монет и опрокинув несколько других вещей. В панике она огляделась, ища выход из пещеры, и бросилась в ту сторону, где была постель. Поскользнувшись на стеблях камыша, ведьма с размаху полетела на пол и, к несчастью, приземлилась прямо рядом с черепом, который я предусмотрительно спрятала за гнездом. И, конечно, опять завопила от ужаса.

Я протянула руку, думая ее успокоить, и ведьма вжалась в стену пещеры. Судорожно полезла за чем-то в карман, но поняла, что платья на ней нет, одна только тонкая сорочка.

Я попыталась сказать что-нибудь, но последний раз я это делала несколько месяцев назад, и в груди у меня было полно воды. Я глубоко вдохнула и стала кашлять, сгибаясь пополам и отрывая воду над устьем туннеля. Ведьма странно на меня смотрела, и, кажется, ее страх начал сменяться недоумением. Я опять подняла руку, делая ей знак подождать, пока я не откашляюсь. Вот ведь неловкая ситуация; надо было мне подумать, как я стану общаться с этой женщиной, до того, как она очнется.

Сумев наконец набрать в грудь достаточно воздуха, я повернулась к ведьме. Она сотворила вокруг своего кулака огненный шарик, не больше того воздушного пузыря, из которого пыталась дышать на дне озера. Тряхнув кулаком, женщина осторожно шагнула ко мне.

– Прочь с дороги, ведьма, – сказала она.

Голос ее дрожал и отдавался эхом от стен пещеры, но на ногах чародейка стояла твердо.

Я снова глубоко вдохнула.

– С-с-с-с... С-с-сп-п-п-па-а-а-а... – начала я.

Как же трудно говорить, когда до этого молчала не один месяц. Я попыталась опять:

– С-с-сп-п-па... С-сп-пак-к-кой... но.

На этот раз получилось, и я улыбнулась, довольная собой.

Ведьма улыбку не оценила, но огненный шарик слегка притух.

– Выпусти меня, – потребовала она, напрягая силы, чтобы пламя взметнулось повыше.

– Н-н-не... н-не глупи, – возразила я. – Ты еще толком не ожила. Потуши эту штуку и сядь, пока не грохнулась в обморок.

Я старалась говорить твердо, строгим голосом, как когда-то с Крошкой Дженни.

– Ты можешь говорить? Ты меня понимаешь, ведьма? Прочь с дороги! – снова воскликнула женщина, делая шаг вперед.

Я посмотрела на огненный шар. Огонь я очень не люблю, но тут, у себя дома, в сердце моего озера, бояться мне было нечего.

– Н-н-не... н-не ведьма, – отозвалась я, опуская руку и заводя ее за спину.

– Что ты сказала?

Пламя снова вспыхнуло ярче.

– Говорю, я не ведьма!

Я призвала озеро на помощь, и через пещеру метнулся водяной хлыст. Обвившись вокруг ее запястья, он потушил огненный шар. Женщина раскрыла рот от изумления иглянула на меня. Я разжала руку, и вода вернулась в озеро.

– Меня зовут Дженни. А теперь сядь и не суетись.

На сей раз мой тон возымел действие. Ведьма села на кор-

точки прямо там, где стояла, рядом с моим гнездом. Оно было в полном беспорядке, на полу валялись листья и стебли. Мне страшно хотелось подойти и все прибрать, но ведьма до сих пор нервничала, и лучше было ее не провоцировать.

Я тоже села, чтобы не возвышаться над ней. Улыбнулась опять, но ведьма вытаращила глаза и чуть не подавилась воздухом. Какие же люди пугливые, подумала я. Уж ведьмы-то, казалось бы, должны быть посмелее.

Из вежливости я предложила ей чего-нибудь выпить.

– Прости, что ты сказала? – переспросила ведьма.

– Я говорю, хочешь выпить? В озерной воде тут слишком много ила, ее пить нельзя, но у меня есть пара бутылок пива. Оно некрепкое. Купила у разносчика.

Ведьма кивнула все с тем же изумленным видом. Я опять встала и очень медленно двинулась туда, где стояли бутылки. В пещере напитки всегда остаются прохладными – это большое преимущество. Я взяла две глиняные чашечки и разлила в них пиво. Одну хотела передать ведьме, но та отшатнулась. Я поставила чашечку на пол перед ней и вернулась на свое место с собственной чашкой и бутылкой в руках.

Чувствуя, что ведьма краем глаза за мной наблюдает, я отхлебнула пиво. Оно было темное и хмельное, прямо как я люблю. Я нарочито причмокнула, чтобы подбодрить гостью. Та взяла чашку и осторожно пригубила. И, видно, пиво пришлось ей по вкусу: она выпила его залпом и поставила чашку обратно на пол. Я не спеша допила свое, потом наклонилась

и налила ведьме еще, двигаясь до нелепости медленно.

На этот раз женщина не вздрогнула, но было видно, как она напряглась при моем приближении и как расслабилась, когда я отстранилась.

Какое-то время мы сидели молча. Я знала, что ведьма меня разглядывает, особенно зубы и длинные руки и ноги. Интересно, скажет она еще что-нибудь? Хотя ведь она моя гостя, так что это мне следует вести беседу. О чем любят поговорить люди?

Я прокашлялась, и ведьма посмотрела на меня.

– Эм... Погода нынче стоит прекрасная, – сказала я.

Ведьма не ответила, и я решила продолжить:

– Для марта очень тепло. Иные годы в это время еще снег идет, но теперь вот уже неделю даже и дождя не было.

Опять никакого ответа. Даже как-то невежливо. Я ведь стараюсь.

– Люблю весенние деньки... все цветет. – Я широко повела рукой.

Мы обе посмотрели, куда я указала: на голую стену пещеры. Я поморщилась. Нет у меня привычки к светским беседам.

– Я люблю весну, – тихо сказала ведьма и, кажется, сама себе удивилась.

Я с готовностью закивала:

– Я тоже. Зимой тут в озере очень скучно, а я люблю смотреть, как все растет и расцветает. Птенчики рождаются, яг-

нята, головастики. Хорошенькие такие и вкусенькие...

Ведьма неуверенно кивнула. Я чертыхнулась про себя. Вот еду упоминать не стоило... Но все-таки ведьма кивнула, это хороший знак.

– Можно спросить, – опять начала я, – как тебя зовут?

Ведьма подняла голову от чашки, которую покачивала в пальцах, собирая на дне остатки пива.

– Темперанс. Темперанс Крамп, – ответила она.

– Что ж, приятно познакомиться, Темперанс. А меня зовут Дженни. Ну, я уже говорила.

– Зеленозубая Дженни? – уточнила Темперанс, склонив голову набок.

– Ну да. Звать меня Дженни, Дженни я и есть.

И я попыталась повторить ее жест. Получилось не очень, судя по ведьминому встревоженному лицу, так что я решила больше не экспериментировать.

– Давно ты живешь в деревне, Темперанс? – спросила я, стараясь поддержать разговор.

Она кивнула:

– Всю жизнь. – И, к моему ужасу, глаза ее наполнились слезами. – Я всю жизнь тут прожила, а теперь просто не знаю, что делать. Все мои соседи – как они могли так со мной поступить? Мы же вместе росли, а теперь они вдруг поверили, что я злая. Они пытались меня убить.

Темперанс плакала, по щекам у нее катились крупные слезы, и из носа уже начинало капать.

Я совершенно растерялась. Я не знала, как обращаться с плачущими людьми. Я думала похлопать ее по коленке, но ведьма же не хочет, чтобы я к ней прикасалась. Хоть бы только она перестала рыдать! Промычав что-то нечленораздельное, я протянула ведьме чистую тряпицу. Та поняла намек, взяла лоскут и вытерла глаза.

– Прости меня, Дженни. Обычно я не такая нюня. Просто у меня вся жизнь в один миг развалилась. Всего пару дней назад я жила дома, с семьей, учила дочку шить. А теперь, – ведьма судорожно сглотнула, – теперь все кончено.

– У тебя есть дочка? – спросила я, надеясь ее отвлечь.

Ведьма с готовностью кивнула.

– Урсула. Ей три года недавно исполнилось. И сын тоже есть, Джозайя. Господи, бедный мой муж. Ему теперь придется одному их воспитывать, ведь все думают, что я умерла, утонула в озере. И придется как-то объяснять все Урсуле. Бедная девочка, она, наверное, так испугалась... Джозайя еще совсем крошка, он меня даже не вспомнит, но, когда вырастет, будет думать, что я злая. Господи боже мой, и как я все это допустила?

Ведьма опять шмыгнула носом и промокнула его тряпицей.

– Могу я спросить, – начала я как можно тактичнее, – как ты вообще оказалась в озере? Разве молодую ведьму не должны ценить в деревне? По идее, ведьмы же полезные.

Та нахмурилась:

– Откуда ты знаешь, что я ведьма?

Я не сдержалась и ухмыльнулась.

– Ты наколдовала огненный шар и пыталась им в меня швырнуть. Несложно было догадаться.

– А, ну да. Прости. Ты меня тогда напугала. А тебя не смущает, что я ведьма? Многие думают, что мы злые.

Тут уж я открыто расхохоталась.

– Господи прости! Темперамс, ты посмотри на меня! Вот уж не мне судить, кто злой, а кто нет. И потом, ты сейчас у меня в озере, в моей власти. Здесь я тебя не боюсь.

На это ведьма сморщила нос, потом жиденько улыбнулась. А улыбка-то у нее была красивая. Зубы хоть и не острые, но ровные и аккуратные. И на щеках, когда она улыбалась, появлялись ямочки, словно рябь на тихой воде.

– Пожалуй, ты права. Ну хоть кто-то не думает, что я злая. – Ведьма опять шмыгнула носом. – Меня потому и бросили в озеро. Обвинили в колдовстве, а ведьмы в воде не тонут – вот они и решили проверить.

Я нахмурилась:

– Ерунда какая-то. Люди вообще не сразу тонут, если только не запаникуют и не наглотаются воды. Но ты же была в кандалах, как ты могла не утонуть?

Ведьма кивнула:

– Это все тот священник. Они всегда напирают на страх, а не на правду. Этот чертов проповедник, может, и сам не думал, что я ведьма, а просто считал, что для женщины я

слишком умная.

– Ничего не понимаю. Тебя бросили в озеро за то, что ты ведьма, хотя сами они так не считали, но в итоге получается, что ведьма ты и есть?

Темперанс улыбнулась. Это хорошо, подумала я, хоть улыбка вышла и грустная.

– Наверно, лучше мне начать сначала.

Она поднесла к губам чашку и выпила остатки. Я подлила нам обеим, и ведьма стала рассказывать:

– Я родилась здесь, в Чиппинг-Эпплби, почти тридцать лет назад. У моего отца была небольшая ферма, и он считал, что вся семья должна на ней работать. Он учил меня возделывать землю, стричь овец и молотить зерно. А мать стала учить меня магии, как только я подросла и усвоила, что это надо держать в секрете. Сама она научилась у бабушки. Наша магия была не такая, как в сказках. Я не знаю заклятий, достойных Мерлина или Керидвен². Меня учили тому, что практично. Как облегчить роды у коровы и у женщины, как солить и мариновать продукты, чтобы они дольше хранились. Мама меня научила, какие песни петь, когда сеешь ячмень, чтобы он хорошо уродился.

Я научилась высекать пальцами искру, чтобы поджечь сырое дерево, и заговаривать воздух, чтобы облегчить дыхание умирающему. Мать велела мне никогда не называть это ма-

² Мерлин – в британском цикле легенд волшебник, наставник и советник короля Артура; Керидвен – волшебница в валлийской мифологии.

гией, даже в кругу семьи, но как это назвать иначе?

Я сидела на корточках и слушала ведьму. Она теперь дышала спокойно и ровно и улыбалась, вспоминая о матери.

— Мою маму в деревне называли ведуньей. Люди приходили к ней отовсюду, покупали у нее снадобья и просили о помощи. Она никому не отказывала. Брала деньги, если они могли заплатить, а если нет — помогала и так. Когда она умерла, я знала, что теперь пришел мой черед служить людям и учить своих дочерей.

Вот так я и жила. В двадцать один год я стала встречаться с Бенедиктом Крапом. Он был немного старше меня, и у него была своя ферма. Но главное, он был милый и добрый, и ему нравилось, что я ведунья. Мы поженились следующей весной, но ребенок у нас родился только через пять лет. Я испробовала все заклятья и все молитвы, какие только знала. Первой родилась Урсула, а еще через два года — Джозайя. Я была счастлива. У меня была семья, была куча дел, надо было кормить детей и лечить соседей, но я всегда любила трудиться.

Беда пришла этой зимой. К нам в деревню приехал новый пастор. Вдовец, по имени Эйса Брэдок. В первое воскресенье после его приезда все собрались в нашей церкви Святого Свитина, чтобы послушать проповедь. У нас уже полгода не было пастора, с тех пор, как умер прежний, и все жаждали духовного утешения. Ради такого случая я искупала детей и погладила Бенедикту красивую рубашку. В благодарность он

меня поцеловал, и мы пошли в церковь рука об руку. Это было последнее наше мирное утро.

Темперанс замолчала и отпила из чашки, сжав ее так, что побелели костяшки пальцев. Поставив чашку на пол, она расправила плечи и продолжила рассказ:

– Эйса Брэддок вошел в церковь с таким высокомерным видом, будто все мы – какой-то скот. На нем была новая черная сутана, чистая, без заплат, и он подбирал подол, словно боялся его испачкать. Когда он взглянул на паству, все буквально поежились. Мы всегда с гордостью приходили на воскресную службу в наших лучших нарядах, но теперь казалось, что мы жалкие и убогие, что нам тут не место, что мы недостойны сидеть на церковных скамьях.

Дождавшись, пока все занервничают, пастор Брэддок начал проповедь. Он был беспощаден. Он говорил, что мы грешны в сердцах своих, что отвернулись от истинной веры и соблазнились роскошью.

«Это все папистские побрякушки!» – громыхал он, тыча в каждого из нас длинным костлявым пальцем. Он призывал нас вернуться в лоно церкви и жить как добрые протестанты. Люди дрожали от страха. Расплакался чей-то ребенок, и мать засуетилась, пытаясь его успокоить. Пастор Брэддок смотрел на нас и обвинял во все более страшных грехах. Потом он понизил голос и зашипел: «Ведьмы бродят повсюду!»

И тут я поняла, что грядет беда. Мы вышли из церкви тихие, как наказанные школьники, но уже через пару дней

по деревне поползли слухи. В следующее воскресенье пастор Брэддок опять говорил о ведьмах, и это стало повторяться каждую неделю. Ведьмы пьют кровь у невинных детей, вещал проповедник, они сношаются с дьяволом и насылают порчу на благочестивых людей. Скоро жители сами стали рассказывать то про больного ребенка, то про неурожай зерна, в котором якобы виновата ведьма. Никто не называл имен, но я знала, что теперь на меня смотрят косо. Они были как одержимые. Те, чьих детей я лечила от колик и кори, теперь переходили на другую сторону улицы, лишь бы не встречаться со мной. А я так любила помогать людям, что мне этого физически не хватало. У меня на кухне всегда кто-нибудь болтал и сплетничал, а теперь там было пусто. Я убрала подальше свои травы и закопала книгу заклинаний в лесу. Когда я забрасывала землей гримуар, аккуратно завернутый в воловью кожу, мне казалось, что я сама себя хорошо. Я вернулась домой, Бенедикт увидел грязь у меня под ногтями, и в его глазах отразился мой собственный страх.

Все случилось позавчера. Бенедикт ушел пахать северное поле. Он вышел из дома рано утром, а я осталась с детьми одна. Я подметала двор, стараясь выглядеть кротко и смиренно. И тут к нашему дому подошел пастор Брэддок, а с ним Езекия Боун. Езекия никогда меня не любила, она сама хотела замуж за Бенедикта и очень злилась, когда в итоге ей пришлось выйти за Оливера Боуна. Оливер – неплохой человек, но не такой красивый, как Бенедикт, и поля у него

поменьше и похуже.

Езекия остановилась посреди двора, указала на меня пальцем и злобно ухмыльнулась.

«Вот, – сказала она громко и четко. – Это она. Темперанс Крамп. Она ведьма. Она наслала порчу на наши посевы. Из-за нее у нашей коровы родился двухголовый теленок. Она с дьяволом сговорилась, чтобы разбогатеть».

И Езекия плюнула мне под ноги.

Пастор Брэддок взглянул на меня бесцветными глазками.

«Темперанс Крамп, – произнес он, – вы арестованы по серьезному обвинению в колдовстве. Вас заключат в церковную темницу и будут судить за преступления».

Сперва я подумала, что все это дурной сон, но потом услышала, как Урсула бежит поздороваться с гостями. Она уцепилась за мою юбку, и Езекия шагнула вперед и потянулась к малышке. Я ударила мерзавку по руке, и та отскочила, завопив, что я поранила ее своими когтями.

Пастор Брэддок шагнул ко мне и схватил за запястье. Он был сильнее, чем казалось на вид, и больно заломил мне руку за спину. Я вскрикнула, и Урсула расплакалась. А пастор...

Темперанс запнулась. Я инстинктивно наклонилась к ней, но ведьма махнула рукой, и я отстранилась. Вряд ли мое близкое соседство ее утешит.

– Пастор, он... Он ее ударил. Ударил так, что Урсула отлетела в сторону и ударилась о стену дома. Езекия схватила ее и унесла в дом, а пастор Брэддок потащил меня прочь.

Я кричала. Я была так потрясена, что даже не могла колдовать, да я и не знаю никаких защитных заклинаний. Он приволок меня в церковь и бросил в одну из келий. Я просидела там весь день и всю ночь без еды и воды. Я с ума сходила от страха за детей и за Бенедикта. В ушах у меня отдавался звук того удара, и в конце концов я стала кричать, лишь бы его заглушить. И не могла остановиться: я звала мужа, детей, маму, хоть она уже десять лет как умерла. Это была самая длинная ночь в моей жизни.

На следующий день двое крепких парней вытащили меня из кельи и повели на площадь. Я увидела Бенедикта, закованного в колодки. Он позвал меня, когда меня проводили мимо, я стала вырываться из рук стражей и укусила одного из них. Тот вскрикнул и наотмашь ударил меня по лицу, да так, что перед глазами все поплыло. Я слышала, как Бенедикт кричит на него, но второй из моих тюремщиков рассмеялся ему в лицо.

«Повежливей, мистер Крамп. Как только разоблачат эту грязную ведьму, ее чары спадут, и мы вас сразу отпустим».

Я чуть не закричала опять. Если они не дадут Бенедикту за меня поручиться, то пастор Брэддок, конечно, выиграет дело. Я попыталась собраться с мыслями, найти хоть одно доказательство своей невиновности, но паника застилала разум.

Стражи поставили меня перед небольшой толпой селян. Там был и пастор, черный и мрачный, как ворон. Он стал пе-

речислять мои преступления, указывая на Езекию и повторяя ее обвинения, словно непреложную истину. Когда я попыталась возразить, он велел тому, кто меня ударил, зажать мне рот и пресечь «нечестивую ворожбу».

Что было потом, я плохо помню. Кроме Езекии, никто меня не обвинял, но никто и не выступил в мою защиту. Я видела в толпе лица старых друзей: одни – в слезах, другие – искаженные страхом. Я жаждала, чтобы хоть кто-нибудь встретился со мной взглядом, ободрил бы даже без слов; их мрачные, отчужденные лица были хуже, чем карканье Езекии. А пастор Брэддок все разглагольствовал о природе зла. Заслугу поимки ведьмы он целиком приписал себе, не спрашивал мнения жителей и не дал мне слова.

В конце концов он объявил, что меня подвергнут Божьему суду. Взяв железные кандалы, он надел их мне на правую руку и левую ногу. А потом повел всех к озеру: толпа шла за ним, а позади стражи несли меня на руках.

На берегу озера он вознес последнюю молитву, дабы свершился праведный суд и зло постигла суровая кара. Я слышала, как Бенедикт все еще кричит на площади, но потом пастор велел толпе тоже кричать погромче и молиться о справедливости. И скоро все потонуло в реве толпы. А потом меня бросили в озеро.

Я хорошо плаваю, ведь все детство провела на реке Карли, чуть выше по течению от того места, где она впадает в твое озеро. Но когда меня вот так бросили в воду, я все забыла,

запаниковала и только без толку извивалась, дергая руками и ногами. Из-за тяжелых кандалов и неловкой позы я не могла держаться на воде и пошла ко дну. Мне удалось поднести левую руку ко рту и сотворить воздушный пузырь, чтобы было чем дышать. Но сколько бы я так продержалась? Я не знала, каким заклятием разбить оковы, а воздух кончился бы рано или поздно.

Потом появилась ты. Я подумала – прости, Дженни, – но на какой-то миг я подумала, что пастор Брэдок был прав. Я решила, что это дьявол явился утащить меня в преисподнюю, что все-таки я злая ведьма. А потом мои чары иссякли, и я потеряла сознание. Очнулась уже здесь, с тобой.

Темперанс помолчала, отпивая пиво из чашки маленькими глотками и глядя в стену. Я тоже немного подождала, а потом осторожно сказала:

– Думаю, этот пастор Брэдок – ужасный человек. Интересно, почему он так не любит ведьм?

Темперанс криво улыбнулась:

– Не знаю, Дженни.

– Ну, все-таки у него ничего не вышло. Ведь ты не утонула – я тебя спасла и очень рада, что это сделала. Он просто идиот. Когда ты отдохнешь, я вынесу тебя на поверхность. Если пойдешь от дальнего берега озера по течению Карли на юг, выйдешь на Оксфордскую дорогу. Доберешься до Оксфорда, а там найдешь новую ферму и будешь жить как прежде.

По-моему, это был отличный план и удобный случай блес-

нуть моим знанием окрестных земель. Обычно Дженни совершенно не заботит, что там, за пределами их озера. Но, к моему разочарованию, Темперанс не улыбнулась в ответ.

– Как же я брошу детей и Бенедикта? И что мне делать в Оксфорде? У меня нет ни денег, ни знакомых, кроме нашей деревни.

– О деньгах не беспокойся, – сказала я, кивнув на груды монет за ее спиной. – Люди постоянно бросают их в воду. Можешь взять сколько хочешь. Некоторые уже древние, но там много разных. Всего за одну такую монету я купила этот огонек и к нему непромокаемую сумку!

Темперанс изумленно воззрилась на огонек в банке, а потом на кучу старых монет.

– Дженни, ведь это же золото! И их тут сотни!

Забывшись, я улыбнулась ей до ушей.

– Ага. Красивые, правда? Я люблю смотреть, как они блещут и сверкают. На эти деньги ведь можно купить ферму?

– Дженни, это целое состояние. На них можно всю деревню купить.

– Вот и отлично, почему нет? Если ты купишь всю деревню, они больше не смогут тебя выгнать.

Темперанс покачала головой:

– Не так все просто, Дженни. Но правда, на несколько золотых монет я могла бы купить новую ферму. И тогда написала бы Бенедикту, чтобы он приезжал с детьми, а потом... – Она осеклась. – Прости меня, Дженни. Я не могу их взять.

Ты и так уже меня спасла. Я найду другой способ, – грустно закончила ведьма.

Я нахмурилась:

– Возьми, пожалуйста, деньги, раз они тебе нужны. Они тут лежат без дела уже сотни лет, я очень редко их трачу, если только в озере чего-то никак не достать. Пусть это золото принесет пользу.

– Но это слишком... – начала Темперанс и осеклась. – Ты сказала «сотни лет»? Давно ты тут живешь?

Трудный вопрос. Я помнила по меньшей мере тысячу зим, но тем годам, что были еще раньше, потеряла счет.

– Очень давно. Я старше, чем ваша деревенская церковь.

– Но церковь построили в тысяча двести восемнадцатом году! – изумилась ведьма.

Я пожала плечами. Я ведь не знала даже, какой сейчас год по людскому счислению.

– Наверное. По-моему, не так уж много времени прошло. В общем, я прекрасно обойдусь без этих денег. Бери сколько надо.

Темперанс пару минут боролась с собой, но наконец решилась.

– Хорошо, я согласна. Я возьму у тебя в долг пять золотых монет. Надеюсь, когда Бенедикт ко мне переедет, он продаст свою ферму, и я с тобой расплачусь.

– Ты вернешься, чтобы со мной расплатиться? – удивилась я.

– Ну конечно!

Я расплылась в улыбке. Темперанс вздрогнула, но совсем чуть-чуть.

– По рукам!

Рассказ был окончен, и ведьма устало сторбилась. Мое чутье тоже подсказывало, что уже поздно, всего несколько часов до полуночи.

– Пойду поймаю нам что-нибудь на ужин. Поешь и ляжешь спать. Завтра вечером возьмешь деньги, и я вынесу тебя на поверхность.

Женщина улыбнулась, и я нырнула в туннель, прижимая к себе эту улыбку. Для ужина на двоих я решила поймать рыбу. У другого конца туннеля плавала щука, та еще хитрюга: привыкла, что я делюсь с ней уловом, и опять увязалась за мной. Я отыскала спящую стайку лещей и сцапала одного. Отмахнулась от щуки, но та моргнула глазищами и так и плыла за мной следом до самой пещеры – не отстала, даже когда я приостановилась накопать кореньев.

Хоть мы и расстались на дружелюбной ноте, ведьма вполне могла попытаться сбежать. Но, к моему удивлению, она сидела на том же месте, прислонившись к стене и подтянув колени к подбородку. Я вылезла из воды и шмякнула леща об пол, чтобы оглушить. Я-то обычно просто глотаю рыбу целиком, но люди – привереды и потроха не едят, а бросают обратно в озеро. Пришлось отыскать нож и почистить леща как следует. На этот раз потроха достались щуке – она ловко

поймала их зубастой пастью и уплыла восвояси, а я вручила ведьме рыбу и коренья. Та взглянула и спросила:

– Мне это приготовить?

– Сжечь, ты имеешь в виду?

Ведьма сморщила нос:

– Ничего я не сожгу. Вот смотри.

Она сотворила в ладони маленький огненный шар и стала водить им над кусками рыбы. Потом вдруг остановилась, и пламя исчезло.

– Прости. Ты ведь не любишь огонь, да?

Я покачала головой, но ответила:

– Давай, я хочу посмотреть.

Темперанс опять зажгла пламя и, держа руку над рыбой, забормотала что-то себе под нос. Филе поменяло цвет, из блестящего прозрачно-розового стало белым и отошло от костей. Но и правда не сгорело. То же самое ведьма проделала с кореньями, потом разделила еду пополам и отдала мне мою долю на глиняной тарелке, которую сняла со стены. Я принялась: странный запах. Откусила чуть-чуть. Есть можно, просто непривычно.

Я быстро все проглотила и только на последнем корешке вспомнила, что люди обычно не едят прямо ртом с тарелки. Покосившись на Темперанс, убедилась, что та берет еду руками, явно стараясь на меня не смотреть. То есть, видимо, раньше она на меня гладела, но теперь смутилась и отвела взгляд. Как у людей все сложно.

Закончив трапезу, Темпера́нс ополоснула тарелку и вытерла ее подолом юбки. Я порылась в гнезде и выудила оттуда относительно приличное одеяло. Ведьма замялась, но взяла его и укуталась с удовольствием. Убедившись, что гостья устроилась как можно удобнее, я взялась за собственную постель. Вернула череп в коллекцию, переложила тростник как надо, залезла, свернувшись клубочком и пожелала ведьме спокойной ночи. «Спокойной ночи», – отозвалась она слегка настороженным голосом. Я лежала тихо и мерно дышала, приговарывая, что сплю, – хотя ведьма вряд ли поверила – и в конце концов и правда заснула под неглубокое дыхание женщины и плеск воды у края пещеры.

Глава 3

Я спала как утопленная, а когда проснулась, Темперанс сидела на том же месте при мерцающем свете огонька, упершись взглядом в замшелую стену. Может, она и не ложилась вовсе? Синюшные круги, какие часто бывают у людей под глазами, стали еще больше и темнее. Интересно, если она продолжит не высыпаться, то вся посинеет или, наоборот, совсем побледнеет?

Мне хотелось встать и размяться, я громко кашлянула и завозила в гнезде, шурша стеблями и ветками громче, чем обычно. Все это я проделывала, чтобы не застать ведьму врасплох, но Темперанс сидела не шевелясь, опустив подбородок на колени. Даже когда я проскользнула мимо, чтобы сполоснуть ноги в воде, лицо ведьмы так и осталось бледным и равнодушным, лишенным всякого выражения. Я огляну-

лась и постаралась улыбнуться, не показывая зубы. Это было непросто, и первый ряд все-таки вылез наружу. Ладно, придется обойтись без улыбок.

– Доброе утро, Темперанс, – поздоровалась я.

Ведьма подняла глаза и слабо улыбнулась в ответ.

– Доброе утро, Дженни, – ответила она сухим, хриплым голосом и опять уставилась в стену.

Я в растерянности стояла у нее за спиной, не зная, как себя вести. Обычно по утрам я немного плавала для разминки, возвращалась и прибирала пещеру, а потом снова уплывала в озеро на целый день. Оставить гостью в одиночестве и без дела, наверное, будет невежливо, но что, если мое присутствие ей даже менее приятно? В порядке компромисса я все же решила сперва поплавать и освежиться. Хотя в пещере довольно влажно, после ночевки на берегу тело пересыхает. Многие Дженни спят прямо в воде, но мне всегда нравилось иметь сухой укромный уголок, чтобы хранить вещи, и в конце концов я устроила там и постель. Однако всегда хорошо нырнуть обратно в озеро – прямо-таки возвращает к жизни. В то утро вода была особенно прохладная и свежая, и я окунулась с головой, чтобы расчесать волосы.

Намокнув хорошенько, я нехотя вылезла на берег и принялась за уборку. Подровняла гнездо, протерла тряпкой свои сокровища. Пыли тут, в пещере, немного, но вещи надо беречь от плесени. Я это поняла, когда несколько самых старинных предметов попросту сгнило от сырости.

Темперанс тоже вынырнула из своих душевных глубин и наблюдала за мной с почти веселым удивлением.

– Никогда бы не подумала, что в нашем озере живет такая хозяйюшка, – заметила она. – Тут буквально ни пылинки. Если вдруг заскучаешь без дела, приходи к нам на ферму помогать с уборкой.

– А ты что, сама не любишь? – спросила я, взяв деревянную фигурку в плаще и тщательно протирая все складочки.

– Ой, нет, – поморщилась Темперанс. – Никогда не увлекалась. Бенедикт любит порядок, и я стараюсь как могу, но с двумя детьми и кучей посетителей, которые вечно толкутся на кухне, надолго моих трудов не хватает.

– Дети – это да, – кивнула я. – Когда у меня дочка была маленькая, тут порядок тоже не держался. Я ее отправляла поиграть в озеро, чтобы убраться в пещере, а потом обратно сюда, чтобы убраться в озере. – Я вспомнила, как Крошка Дженни строила на полу башни и замки из озерного ила, и улыбнулась. Тогда я ужасно сердилась на ее шалости, но теперь мне их не хватало.

Темперанс вздрогнула от моих слов.

– У тебя есть дочка?! – воскликнула она, широко распахнув глаза.

Я кивнула, все еще улыбаясь, но стараясь прятать зубы.

– Конечно. Крошка Дженни. Она живет в мельничном пруду у Винчфорда. Ей теперь почти двести зим. Иногда я ее навещаю, а бывает, что и она ко мне приходит.

– Ну надо же, – сказала Темперанс. – Подумать только. – Она помолчала и продолжила: – Ну тогда ты знаешь, что такое скучать по детям. Я жутко скучаю по Урсуле и Джозайе. Особенно по Урсуле, она ведь видела, как меня утащили, и, наверное, перепугалась. Как они там без меня? Дай Бог, чтобы Бенедикта освободили и он мог за ними присмотреть.

Голос у ведьмы был такой грустный, что мне хотелось подойти и погладить ее по плечу, но она бы наверняка испугалась моих длинных ногтей. Я попыталась сочувственно поцокать языком, но вышло какое-то бульканье. Хотя ведьма, кажется, поняла.

Прошло несколько секунд, Темперанс пожала плечами и опять приклеила на лицо улыбку.

– Сколько времени на суше, Дженни? – спросила она.

Я прикинула:

– Солнце уже взошло, но полуденный колокол еще не звонил.

– То есть примерно десять утра?

Я в свою очередь пожала плечами. Я не следила за тем, как люди измеряют время. Я знала, что церковные колокола извещают о начале служб, но даже их распорядок менялся с течением лет.

– Когда ты отнесешь меня на поверхность? – спросила ведьма, прикусив нижнюю губу.

– Когда захочешь. На южном берегу никто не живет, но лучше, пожалуй, все-таки пойти ночью. Люди плохо видят в

темноте, и тогда тебя точно никто не заметит.

Темперанс продолжала жевать губу.

– Понимаешь ли, Дженни, проблема в том, что я тоже в темноте плохо вижу. Не знаю, смогу ли я ночью выбраться из леса на дорогу.

– Хм-м-м-м...

В ее словах был смысл, но разве идти днем не опасно?

– А ты не боишься при свете наткнуться на деревенских жителей? – спросила я.

– Я подумала: если отправлюсь сейчас, до темноты успею уйти достаточно далеко. Сегодня воскресенье, и все будут в церкви до полудня.

Кажется, ведьме уже не терпелось.

Неудивительно, что она хочет поскорее отсюда выбраться. Я любила свою пещеру, но для людей она была не приспособлена, а сама я, наверно, до сих пор представлялась ведьме кошмарным чудищем, которое держит ее в плену. Да и предлог не такой уж надуманный. Имеет смысл убежать, пока все в церкви, – другой такой возможности придется ждать еще неделю.

Я кивнула и достала непромокаемый мешок, купленный у разносчика вместе с огоньком в банке.

– Вот, возьми. Положи сюда платье и обувь. Оденешься на берегу, чтобы не пришлось целый день ходить в мокром.

Ведьма робко взяла мешок, свои носки и ботинки и нерешительно остановилась. Я сообразила, что ее платье висит у

меня за спиной, а ведьма не хочет ко мне приближаться, и отскочила в сторону.

– Пойду проверю, нет ли кого наверху, – быстро сказала я и нырнула в воду.

Озеро еще не прогрелось после зимы, несмотря на весеннее солнышко. Я оттолкнулась от дна и сделала круг, не поднимаясь высоко, чтобы меня не заметили. Но на берегу не было ни души.

Успокоившись, я всплыла на поверхность и вдохнула свежий утренний воздух. Обычно я не показываюсь из воды, но в тот раз хотела убедиться, что на улицах деревни и во дворах ближайших к озеру домов тоже никого нет.

Ни одного человека я не увидела, только клин гусей в безоблачном небе тянулся к северу. Ни шороха, ни шелеста, ни даже мышинного писка. Для верности я задержалась еще немного, но было очевидно, что все жители и правда ушли в церковь. Окончательно убедившись в этом, я снова опустилась на дно.

Когда я вернулась в пещеру, Темперанс уже собрала вещи и теперь пыталась заплести волосы в аккуратную косу. Получалось не очень: темные кудри спутались от вчерашних приключений и упрямо торчали во все стороны. Сражаясь с ними, ведьма сосредоточенно хмурила брови.

Заметив меня, она опустила руки и взглядом спросила: «Ну что там?»

– Никого, – сказала я. – Ты готова? Нам придется про-

плыть через туннель; наколдуй себе воздух, чтобы дышать.

Ведьма кивнула и нервно потерла руки. Ей было явно не по себе, но что ж тут поделаешь? Чтобы вытащить женщину на поверхность, как ни крути, мне придется к ней прикоснуться.

– Э-э-э... Слушай, Дженни, – начала Темперанс и опять неловко замолчала.

– Ну что еще? – ворчливо отозвалась я.

Ведьма сглотнула и произнесла:

– Ты вчера сказала, что я могу взять... Ну, то есть, если ты передумала, я пойму, но все-таки, если можно...

Тут меня осенило. Это она из-за денег! Я-то думала, с нами вопрос решен.

– Так ты их еще не взяла? – удивилась я.

Ведьма отрицательно замотала головой.

– Ну что ж, тогда... – Я прошла мимо нее к груде монет и зачерпнула в обе руки полную пригоршню. – Бери сколько надо.

Темперанс осмотрела протянутые ей сокровища и выбрала четыре большие золотые монеты и дюжину медных поменьше. Потом взглянула на меня и улыбнулась.

– Думаю, что медные монеты, вместе взятые, стоят дешевле, чем еще одна золотая, но мне нужны будут разменные деньги. Не платить же золотом за ночлег и обед в трактире.

– Возьми еще золотую, – сказала я. – Пригодится, когда станешь покупать ферму.

Ведьма покачала головой.

– Спасибо, Дженни, но не возьму. Ты и так слишком щедрая. – Она наклонилась, чтобы спрятать деньги поглубже в мешок. – Я все тебе верну, клянусь своей магией.

Как это мило с ее стороны. Значит, мы снова увидимся, хотя такую сумму она, конечно, не скоро накопит. Или станет возвращать по одной монете и тогда придет ко мне несколько раз. Я сама удивилась, как приятно было об этом думать. Раньше одинокая жизнь в озере меня вполне устраивала.

Я кивнула с серьезным видом, и ведьма выпрямилась, надежно уложив монеты.

– Готова? – спросила я.

Темперанс кивнула, крепко прижимая мешок к груди. Я прыгнула в воду и протянула ведьме руку. Осторожно держась за нее, женщина села на край пещеры и свесила ноги. Потом отпустила меня, подняла левую руку ко рту и прошептала что-то в сжатый кулак. Воздух слегка задрожал, как над дорогой в жаркий день, и ведьма прижала кулак к губам и глубоко вдохнула. Мерцание вокруг ее руки затрепетало, но не исчезло.

Убедившись, что чары работают, ведьма снова мне кивнула и соскользнула с края. Под водой мерцание превратилось в воздушный пузырь, гораздо больше и крепче того, что я видела вчера. Ведьма сделала еще один вдох, пузырь сжался и сразу же восстановил форму. Обняв женщину за талию,

я притянула ее к себе. Мы были примерно одного роста, но она – гораздо плотнее; моя сила шла от моей природы, а не от мускулов и костей. От моего прикосновения ведьма напряглась, но не отстранилась. Воздушный пузырь держался надежно, и мы вдвоем опустились чуть глубже и нырнули в туннель.

К собственной досаде, я забыла предупредить ведьму, что в туннеле совсем темно. Оказавшись в непроглядной глубине, Темперанс испуганно съежилась. Я покосилась на нее: широко раскрытые глаза слепо таращатся во тьму, а правая рука прижимает к груди мешок с вещами.

Я решила поторопиться и быстрее заработала ногами. Туннель тянулся и тянулся, но наконец мы вырвались из него и оказались в озере. Тут было светлее, и Темперанс немного расслабилась. Мы плыли над галечным дном сквозь озерные водоросли, и ведьма даже обернулась на стайку мелких серебристых рыбок, блеснувших в солнечном луче. Я понадеялась, что зубастую щуку мы не встретим.

Вот и восточный берег озера. Я вынырнула из воды чуть выше того места, где река Карли вытекает из моих владений и поворачивает на юг, и вытащила ведьму за собой. Пузырь лопнул с тихим звоном, и Темперанс жадно глотнула воздух. Я отпустила ее талию, и ведьма сама удержалась на воде. Ее тонкая сорочка вздувалась колоколом. Я подняла руку и указала на берег.

– Река вон там. Вылезай на берег и отправляйся. Отсюда

до Оксфордской дороги примерно миля строго на восток.

Темперанс кивнула и погребла к берегу. Я плыла рядом с ней. Выходя из воды, ведьма поскользнулась в камышовых зарослях, но удержалась на ногах и, прижимая к груди мешок с одеждой и деньгами, наконец-то выбралась на сухую землю и направилась к лесу.

Я осталась в озере и смотрела, как она уходит. Ведьма остановилась, достала из мешка и надела ботинки, обернулась и помахала мне.

– Спасибо, Дженни! – крикнула она. – Я тебя не забуду!

Щеки у меня вспыхнули, и я поспешно нырнула в воду. Темперанс опять зашагала вперед и вскоре скрылась из виду. Подождав еще немного, я опустила на глубину и поплыла обратно в пещеру.

* * *

Больше в тот день ничего не случилось. Я сделала уборку, аккуратно сложила в стопки оставшиеся монеты. Вычистив в пещере каждый уголок, вернулась в озеро и принялась считать поголовье рыб. Прошлый раз я делала это перед зимой, а оценку надо бы производить регулярно. Но цифры не держались у меня в голове, а рыбы шныряли мимо так быстро, что я постоянно сбивалась и считала по два раза одних и тех же. Наконец я бросила это занятие и стала плавать просто так. Появилась щука и ткнулась мордой мне в ноги, но

я сделала вид, что не замечаю, и щука уплыла искать еду в другом месте.

А я все думала о Темперанс. Теперь она уже, наверно, идет по дороге в Оксфорд. Хорошо бы знать, что с ней все в порядке. Мне пришло в голову, что, быть может, еще много лет от ведьмы не придет весточки. Сегодня утром она была такая грустная и так скучала по своим малышам. И дети, и муж ведь думают, что она умерла. Ну, по крайней мере, деньги у нее есть. С деньгами не пропадет – очень уж люди ценят эти монетки.

Я надеялась, что Темперанс скоро устроится на новом месте и заберет к себе семью. Они, поди, и сами будут рады уехать из Чиппинг-Эпплби, где всем теперь заправляет этот пастор Брэдок. Он просто ужасен, судя по рассказу ведьмы. А ведь я видела на берегу человека в черном – скорей всего, пастор это и был. Главное, чтобы он теперь не завел привычку топить людей у меня в озере. Темперанс вообще-то была довольно разумная – может, потому, что ведьма. А обычный человек, пожалуй, скончается от испуга, прежде чем я успею его спасти. И даже если выживет, сможет ли потом держать рот на замке? Темперанс я доверяла, но прочие вряд ли будут рады соседству озерной Дженни. Все эти годы я не привлекала внимания, и не хотелось бы теперь куда-то вынужденно переселяться.

Я скользила под самой поверхностью воды лицом вверх и наблюдала за солнцем. Оно пересекло небосвод и начало

клониться к западу; небо из голубого стало розовым, затем серым, потом замигали вечерние звезды. Пора было возвращаться в пещеру, но мне казалось, что теперь там слишком пусто. И я оставалась в озере, пока не наступила ночь и не вернулись в свои гнезда все водоплавающие птицы. Даже рыбы и те заснули.

Наконец я глубоко вздохнула и опустилась под воду. Пока я лежала у поверхности, в волосах у меня запутался водокрас, и я стала расчесывать их руками. Выбирая из прядей стебельки, я вдруг слышала странный звук от восточного берега. Как будто что-то размеренно плюхает по воде. *Плюх, плюх, плюх.*

Может, это олень пришел на водопой, поскользнулся и упал в воду, а теперь силится подняться на ноги? Я оттолкнулась и поплыла на звук. Ужинать мне не хотелось, но, может, олень меня испугается и выскочит на берег. А что, если это пастор Брэддок?.. Решил проверить, не всплыло ли тело ведьмы. Вот Брэддока я бы не прочь утащить под воду, раз уж он сам напрашивается. На вкус проповедник вряд ли будет хорош, но щуке, может, и понравится.

И тут я резко остановилась. На краю озера в зарослях камыша на коленях стояла Темперанс и методично шлепала ладонями по воде. Вид у нее был усталый, платье в грязи, но выражение лица – упрямое и настойчивое.

– Дженни, – позвала она шепотом, – Дженни, ты тут?

Я вынырнула и посмотрела на ведьму. Та перестала бить

по воде и махнула мне рукой.

– Темперанс? Ты что тут делаешь? – отозвалась я.

Ведьма опять замахала, подзывая меня ближе.

Я подплыла, высунулась из воды по пояс и прищурилась, глядя на женщину.

– В чем дело? Что случилось? Тебе нужны еще деньги?

Другой причины для ее возвращения я не могла придумать.

– Нет, Дженни.

Ведьма села рядом со мной на илистый берег и, не дрогнув, посмотрела мне прямо в лицо.

– Я выбралась на дорогу примерно в полдень и пошла на юго-восток. Душа рвалась от тоски, но была и надежда. Я даже не сомневалась, что смогу найти клочок земли, устроюсь на новом месте и заберу к себе детей.

Но потом я поняла: Бенедикт ведь не продаст свою ферму. Никогда не продаст. Это их семейное хозяйство с незапамятных времен. Он не сможет оттуда уехать, у него просто сердце не выдержит. И все его братья и сестры живут в Чиппинг-Эпплби со своими детьми. Ведь они тоже наша семья. Как же я попрошу Бенедикта все это бросить?

Темперанс замолчала, и глаза ее сверкнули.

– А еще я поняла, что сама не хочу уходить. Чиппинг-Эпплби – крохотная деревенька, но это мой дом. Моя мать была здешней ведуньей, а до нее – моя бабушка. И я не позволю, чтобы какой-то заезжий пастор выжил меня из родных мест!

Я нахмурилась, не понимая, к чему она клонит.

– Но они же все думают, что ты ведьма. И что ты утонула. Если вернешься в деревню, они решат, что ты явилась с того света.

Темперанс улыбнулась.

– Вот именно, Дженни. Они все думают, что я ведьма. А я забыла, что так оно и есть. Меня арестовали и пытались утопить, а я ничего не соображала и вела себя как жена и мать, будто, кроме мужа, некому меня защитить! Но я же ведьма! И я сама себя спасу.

И она с гордостью показала мне сверток из воловьей кожи.

– Я вернулась в лес и откопала свою книгу заклинаний. У меня есть план, Дженни. Но мне нужна помощь.

– И что ты собираешься делать? – спросила я. – Проклянешь Брэддока?

– Нет, не так сразу. Я и не знаю серьезных проклятий или боевых чар. Но я умею лечить, и в моей книге есть заговоры от душевных болезней. Я могу наслать на деревню чары забвения, и тогда жители даже не вспомнят, в чем меня обвиняли. Они забудут и мой арест, и суд, и тогда я просто вернусь домой и обниму детей, как будто ничего не случилось.

А потом, – добавила ведьма с яростью, – потом я найду способ избавиться от этого пастора. Теперь я уже не такая наивная и доверчивая. Больше я ему спуска не дам.

Я задумалась. План вроде бы неплох, но при чем тут я?

– А от меня ты что хочешь? – спросила я ведьму.

– Чтобы заколдовать всю деревню, нужны очень мощные чары. А у меня сил не так много, и, чтобы сотворить такое волшебство, требуются кое-какие предметы. Ты ведь поможешь мне их достать? И можно я поживу с тобой, пока мы готовимся?

Она хочет вернуться в пещеру? Ну надо же. Хотя и выбора у нее особо нет. Я была рада, но постаралась этого не давать.

– Пожалуйста, живи, вместе веселее. А что за предметы тебе нужны?

Темперанс широко улыбнулась, взяла меня за руку и крепко пожала, не обращая внимания на длинные зазубренные когти.

– Спасибо, Дженни! Нет слов, как я тебе благодарна! – Она снова сжала мою ладонь. – Пока я шла сюда, составила в голове список. Надеюсь, что все это не очень дорого, но придется, наверное, поискать.

Ведьма отпустила меня и стала перечислять, загибая пальцы.

– Для чар забвения нужны фиалки, вороны перья, листья аниса и подкова. Анис я уже купила у аптекаря через три деревни отсюда, а фиалки и перья, наверное, сама соберу...

Чуть подумав, она продолжила:

– И еще кое-что нужно для усиления чар. С этим посложнее. Нужны кости из руки убийцы, похороненного за церков-

ной оградой. Волос с головы келпи³. Еще свеча с фитилем из хлопка от епископской сутаны. И капля крови фейри, отданная добровольно.

Закончив, ведьма взглянула на меня с надеждой. Я немного подумала.

– Ну, с каплей крови будет нетрудно. Я ведь тоже фейри, и мне для тебя не жалко. А вот всего остального, боюсь, у меня нет.

Темперанс помрачнела, и я глубоко вздохнула. Что ж, делать нечего, хотя я об этом потом пожалею...

– Но есть один знакомый, который сможет помочь.

– Правда? А кто это? – оживилась ведьма.

Я скорчила гримасу. Даже имя его произносить не хотелось.

– Бракус Марш. У него я купила блуждающий огонек. Он мелкий торговец и тот еще прохвост и жулик, но достанет то, что тебе нужно.

– А он... – ведьма замялась, – такой же, как ты?

Я фыркнула. Конечно, Темперанс не хотела меня обидеть, но, по-моему, у нас с Бракусом не было ничего общего.

– Можно и так сказать, – проворчала я. – Мы оба низшие фейри. Бракус – гоблин; он скупает товар на своих рынках, а потом ходит и продает его озерным Дженни, гномам и про-

³ Келпи – в шотландской мифологии: водяной дух, обитающий в реках и озерах. Келпи по большей части враждебен людям и являются в облике пасущегося у воды коня, который подставляет путнику свою спину, а затем увлекает его в воду.

чим, кто живет поодиночке и не любит странствовать.

– А тебе он не нравится? – спросила ведьма, заметив мой тон.

Я покачала головой:

– Нет, не очень. Он как придет, так его не выпроводишь, ошивается тут и донимает меня разговорами. Но в мешке у него найдется все что угодно.

– И как нам с ним встретиться?

Я велела Темперанс принести несколько листьев ясеня. Та притащила целую охапку. Я свернула каждый из свежих ярко-зеленых овальных листочков в маленькую лодочку, поднесла к губам и шепнула: «Бракус Марш». Потом отдала их ведьме.

– Отнеси к реке и пусти вниз по течению. Бракус обычно где-то поблизости. Он получит и сразу явится. По прошлому опыту, через день или два.

Темперанс собрала зеленые лодочки и ушла вдоль берега. Я смотрела, как она отпускает послания по воде, и думала, во что же я ввязалась. Мне и правда хотелось помочь ведьме, но вот приобрести соседку я как-то не ожидала.

Глава 4

Как я и предполагала, Бракус явился уже на следующий день. Мы с Темперанс сидели в пещере, перебирая мешок всевозможных птичьих перьев, когда вдруг из устья туннеля донесся легкий плеск. Я взглянула и увидела, что на воде танцуют лодочки из ясеневых листьев, которые мы отправляли вниз по реке. Их заметно потрепало, и едва я вычерпнула лодочки из воды, как они стали распадаться прямо у меня в руках.

Темперанс вопросительно смотрела на меня, и я подняла листочки повыше, чтобы ей было слышно. Бракус стер мое послание и наговорил свое. Его голос отдавался от стен пещеры, а мы с ведьмой внимательно слушали:

«Дорогая Дженни, весьма удивлен твоим приглашением и спешу прибыть как можно скорее. Буду ждать встречи в

любое удобное для тебя время на южном берегу. Всего наилучшего, Бракус Марш».

Тон его был, как всегда, подчеркнуто вежлив, точно гoblin обращался к королеве фей. Раньше меня это забавляло, но теперь в учтивости послышалась издевка. Зато на Темперанс изящные манеры произвели впечатление.

– И правда, как он быстро! – Ведьма накинула платье и стала торопливо затягивать шнуровку. – Ну что, идем?

Я покачала головой:

– Не спеши, Темперанс. Пусть не думает, что мы сидим тут и караулим его ответ. Покажи ему нетерпение, и он сдерет с тебя тройную цену.

Я раздавила листья в ладони и швырнула зеленое крошево в воду.

Ведьма немного сникла, но все-таки завязала шнурки на платье, затем поправила прическу, убрав непослушные пряди за уши. Она где-то раздобыла бечевку и теперь собирала ею копну темных волос, чтобы не падали на глаза. Может, и мне так сделать? У меня все время волосы мокрые и висят перед лицом, как занавеска, – наверное, жутковато выглядит. Попробую, но не теперь, а то еще Бракус возомнит, что я ради него прихорошилась.

Темперанс все ерзала на месте, пересчитывала монеты, расправляла юбку, перекладывала вороньи перья. Наконец я не выдержала.

– Ладно, пошли, – прошипела я чуть сварливее, чем обыч-

но. — Глянем на этого пройдоху.

Темперанс вскочила, просияв улыбкой, сунула монеты в карман и бросилась к воде. Я наставительно подняла руку:

— Сильно с ним не любезничай. Гоблины очень хитры и коварны, держи ухо востро. А говорить буду я.

Темперанс кивнула, широко распахнув глаза. Я со вздохом соскользнула в воду. Ведьма прыгнула следом и сотворила себе воздушный пузырь. Я взяла ее за руку, и мы устремились в озеро. Для ведьмы это был уже третий раз (не считая самого первого, когда она была без сознания), и у нее получалось все лучше: шарик воздуха стал больше и крепче, и темноты ведьма уже не пугалась.

Вынырнув из туннеля, я сразу ощутила запах дыма с южного берега. Бракус всегда кидал в костер какие-то странные травы: они давали горький, терпкий аромат, но зато пламя становилось черным и почти невидимым. Очень полезно для гоблина, который избегает любопытных глаз.

Хорошо меня зная, Бракус разбил свой лагерь подальше от воды и поближе к лесу. Я выбралась на берег и вытащила за собой ведьму. Та непонимающе огляделась, не видя черного костра, пока я на него не указала. Лагерь у гоблина был крошечный: просто четыре резных шеста, вкопанные в землю и накрытые куском парусины. Перед этим навесом горел костер, а у костра на трехногом стульчике восседал Бракус Марш.

Гоблин выглядел как всегда: острые уши, короткие каш-

тановые кудри, на голове – темно-красная бархатная шапочка, лихо сдвинутая набок. Бордовый, в тон шапочке, костюм был щедро украшен пуговицами из слоновой кости, дерева и гагата⁴. В редких промежутках между ними сверкал золотой позумент. Смуглая кожа гоблина блестела, точно желудь, а голубые глаза и белоснежные зубы казались ярче на темном лице. Весь его неописуемо самодовольный вид бесил меня с первой нашей встречи.

Я двинулась к нему, ведя за собой ведьму. Ходить по земле на двух ногах было трудно, я от этого давно отвыкла. До костра я добралась запыхавшаяся и в очень дурном расположении духа. Гоблин ухмыльнулся, глядя на меня, – явно не просто так он выбрал место для лагеря.

– О дева изумруднейшей лагуны! – воскликнул Бракус Марш, вскакивая и ловя меня за руку. Наклонившись, гоблин почти коснулся ее губами. – Твой вид всегда мой улаживает взор.

– Не говорят так – «изумруднейшей», – пробурчала я в ответ.

– Отчего бы и нет, о смарагд моего сердца, но возражать не смею.

Я огрызнулась и выдернула руку у него из пальцев. Гоблин расплылся в улыбке и повернулся к Темперанс.

⁴ Гагат – разновидность каменного угля с характерным смолистым блеском, используемая для изготовления украшений. Ценится за глубокий черный цвет, легкость обработки и магические свойства: гагат считается сильным оберегом от сглаза, порчи и дурных влияний.

– А это кто с тобой явился, Дженни? Что за обворожительная юная леди! Если нюх меня не подводит, здесь витает аромат магии. Дух чародейства...

Гоблин потянулся к ведьме, но я шлепнула его по руке.

– Не говори с ней, Марш. Я твой покупатель.

– И даже имя чаровницы мне не скажут? – надулся гоблин. – Таковую красавицу редко встретишь. – Он глубоко поклонился ведьме. – Бракус Марш к вашим услугам, мисс...

– Темперанс, – чуть запнувшись, ответила та и, бросив на меня виноватый взгляд, добавила: – Меня зовут миссис Темперанс Крамп. Приятно познакомиться, мастер Марш.

– Темперанс, – пропел гоблин. – Прелестное имя, прелестная леди. Миссис Крамп, я к вашим услугам, и прошу, зовите меня Бракус. Все меня так называют. – Тут, заметив мое выражение лица, он поправился: – Почти все.

Взяв Темперанс за руку, гоблин проводил ее к трехногому стульчику.

– Скажите, миссис Крамп, чем могу служить вам? – произнес он самым смиренным и угодливым тоном.

Глаза у него были как плоски, до краев налитые почтением.

Я уселась между ними и повернулась к Бракусу. Лицо его не дрогнуло.

– Я пришла за покупками, Марш. У меня есть список.

– Целый список, Дженни! Бог ты мой, а ведь столько раз говорила, что больше и пуговицы у меня не возьмешь!

Гоблин через мое плечо подмигнул ведьме. Та, к моему недовольству, хихикнула.

– Мне нужно три предмета. Палец убийцы, волос келпи и свеча с фитилем от сутаны епископа, – перечислила я, загибая пальцы.

Бракус изобразил крайнее удивление.

– Что я слышу, Дженни! Зачем тебе все это? – И он кивнул на ведьму: – Может быть, миссис Крамп и правда великая чародейка?

Я еле сдержалась, чтобы не цапнуть его за нос.

– Зачем мне все это, тебя не касается. Есть такой товар или нет?

Гоблин возвел глаза к небу:

– Полегче, Дженни, придержи коней. Сейчас выясним. – Он снова подмигнул ведьме, легко вскочил на ноги, щелкнул пальцами, и на земле перед ним появился огромный мешок. – Ты просишь, о мой малахитовый восторг, в первую очередь палец... – гоблин полез в мешок, – убийцы! Пагубный перст, принесший гибель! И по счастливому случаю, оный предмет имеется! – Бракус извлек на свет невзрачный кожаный мешочек и продемонстрировал его нам с ведьмой. – Вы помните Стивена Клегхорна, также известного как Кровавый Кузнец из Кэтфорда? Его злодеяния неисчислимы! Однажды он...

– Все ясно, давай дальше! – перебила я.

Бракус кинул на меня страдальческий взор и положил ме-

шочек у ног ведьмы.

– Второе: волос из гривы келпи. По счастью, пребывая недавно в Шотландии, сам повстречал я свирепых морских кобылиц. И вот вам их локоны, наивысшего качества! – Бракус взмахнул перед нами веретеном, на которое были густо намотаны пряди, похожие с виду на конский волос. – Выберите только цвет, миледи. – Бракус опять поклонился и широким жестом бросил веретено на колени ведьме. – И, наконец, последний артефакт, что истинную редкость собой представляет... Мало кто видел его своими глазами, не говоря о том, чтобы иметь для продажи! Предмет воистину необычайный! Ибо кто же проникнет под своды святого собора и нить украдет от сутаны властителя церкви? Кому и ученость, и ум, и умение позволят свечу сотворить с фитилем из той редкостной нити? Кому, наконец...

Бракус сделал эффектную паузу. Я просто за голову схватилась от его представления, но Темперанс слушала гоблина буквально не дыша. Бракус еще немного подождал, понял, что ответа не будет, и торжественно завершил монолог:

– Кому же, дорогие мои, по счастью, как не мне!

Он засунул в мешок руку по самое плечо и вытащил короткую и толстую восковую свечу, всю в пепле и каких-то ворсинках. Преклонив колено, Бракус передал ведьме этот предмет с видом благородного рыцаря, который клянется верно служить королеве. Темперанс взяла свечку и воззрилась на нее с изумлением, точно на святую реликвию.

Гоблин вскочил и спрятал руки за спину – вылитый кот, притаившийся хозяйке жирного кролика. Темперамс внимательно осмотрела все три предмета, и лицо ее осветилось надеждой.

Ведьма подняла глаза и вопросительно взглянула на Бракуса:

– Могу я спросить, сэрс, сколько все это стоит?

Бракус сморщил нос и подпрыгнул на одной ножке. Потом наклонил голову к плечу так, что чуть не коснулся его ухом, и будто бы всерьез задумался над вопросом.

– Сии предметы, добрая леди, – самые сливки моего собрания. Скрепя сердце я отдаю их в ваши дивные ручки. За эти несравненные артефакты, можно сказать, семейное наследство, я прошу всего-навсего...

– Сколько? – вмешалась я. – Говори уже, Марш.

– Семнадцать золотых монет, – быстро ответил гоблин. – Со скидкой любимой покупательнице.

– Да это просто грабеж! – возмутилась я. – За такой хлам две монеты – красная цена! Дам тебе две с половиной, пока я добрая, но ни пенсом больше.

На самом деле о реальной цене я понятия не имела, но опыт подсказывал, что с гоблином всегда надо спорить.

Бракус пошатнулся, точно его ударили, и схватился за пуговицу.

– Любезная Дженни, меньше чем за пятнадцать монет я не расстанусь с моими сокровищами! Они же невозполнимы!

Зачем я только их показал!

– Три монеты. И так уж и быть, потом я еще что-нибудь у тебя куплю. Можешь приходить, больше прогонять не стану.

Гоблин зубасто ухмыльнулся.

– Безусловно, бесценное предложение, но десять монет – и не меньше.

– Дженни, – с тревогой позвала Темперанс.

Я успокоительно махнула рукой:

– Четыре. Видишь, я уже удвоила цену. А больше ты не заслуживаешь.

– О нефрит моего сердца, как жаль, но ведь это меня разорит! Увы, увы! Вижу, сегодня мы не придем к согласию.

И гоблин принялся с печальным видом забирать товары у ведьмы и складывать их обратно в мешок.

– Послушай-ка, Марш, – начала я, но тут раздались громкие всхлипы.

Темперанс, простершись на земле, рыдала в три ручья:

– Ах, Дженни, Дженни, что же нам делать? У меня всего две монеты, а больше нет, но, если мы не купим сейчас все это, я просто умру!

Ведьма причитала и скулила, как тонущий котенок, а я смотрела на нее разинув рот. Бракус явно был смущен, но продолжал тянуть из ведьминых пальцев веретено с волосом келпи.

– Дражайшая миссис Крамп, наверняка ведь не все так плохо, – осторожно предположил гоблин, но Темперанс за-

рыдала еще отчаянней.

– Сэр, все ужасно! Меня выгнал из деревни злой проповедник. Без этих чар я не увижу больше своих малышей. А если так, то жить не имеет смысла! Я просто брошусь в озеро! Зачем такая жизнь!

– Прошу, не плачьте, леди, – вымолвил Бракус, перестав наконец отбирать у нее веретено.

Темперанс взвыла, бросилась на гоблина и прижала его к груди.

– Что станет с моими детьми, с моими сиротками? Несчастней меня нет на свете!

– Прошу вас, миссис Крамп... э-э-э... Темперанс... Да перестаньте же! Я... я уверен, мы сможем договориться. Вы сказали, у вас есть две монеты?

Темперанс шмыгнула носом.

– Да, все мое богатство. За тридцать лет наскребла по сусякам.

Поймав гоблина за рубашку, ведьма вытерла глаза золотым позументом.

– Что ж, быть может, я немного завысил цену, в особенности для такой достойной юной леди. – Гоблин похлопал ее по руке и попытался разжать ведьмины пальцы. – Сговоримся на двух!

– О, Бракус, вы так добры! Вы истинный джентльмен, хоть и гоблин. Сама доброта! Я так вам благодарна! – Темперанс счастливо улыбнулась, слезы бриллиантами сверкали у нее

на щеках. – Хоть у меня нет больше денег, мы с детьми и в нищете будем счастливы, лишь бы только мы были вместе!

– В нищете? – нервно переспросил Бракус.

Темперанс кивнула, смахнув слезу изящным пальчиком.

– Ну конечно, ведь все наши деньги уйдут на эту покупку, и мы останемся без гроша. Но я так рада отдать их вам, мастер Марш. Я буду варить суп из коры и кашу из чего придется и всегда добрым словом вспоминать вас.

– Э-э-э... Ну что ж... – смутился Бракус. – Я, конечно же, не могу этого допустить. Я возьму с вас одну монету. Чтобы вы спасли детей и не ели эту ужасную кашу.

Темперанс опять заголосила:

– Вы так добры!

Она снова разрыдалась и расцеловала гоблина в обе щеки. Он как можно деликатнее отцепил ее руки от своей одежды.

– Ну что вы, миссис Крамп, не стоит благодарности. Если можно...

Темперанс достала из кармана золотую монету и вручила ему. Гоблин машинально попробовал ее на зуб, кивнул, поклонился, спрятал куда-то деньги – так быстро, что я не уследила куда, – и стал сворачивать лагерь.

– Что ж, Дженни, всегда рад. Пожалуй, не стану задерживаться. Завтра вечером мне надо быть в Южном Уэльсе, уже пора, пора... Миссис Крамп, удачи вам во всех начинаниях.

Темперанс еще разок всхлипнула и шагнула вперед, чтобы обнять его напоследок. Гоблин увернулся быстрым по-

клоном.

– Всегда рад, всегда рад, ну, я пошел!

Он схватил парусиновый плащ, служивший навесом, и сунул его в мешок; выдернул шесты из земли, сложил их на манер телескопа и заткнул за пояс. Шепнул какое-то слово, и черный костер погас. Гоблин, сверкнув пуговицами, раскланялся в последний раз, щелкнул пальцами и исчез, а мы с ведьмой остались одни на краю леса.

Темперанс вытерла слезы и широко мне улыбнулась.

– Миссис Крамп! – вскричала я. – Нижайше прошу прощения. Я-то думала, ты невинная овечка, а ты хитрей, чем кажешься! Откуда ты знала, что это сработает?

Ведьма рассмеялась и кинула мне веретено.

– Бракус хоть и гоблин, но очень похож на наших мужчин. Встречала я много таких торговцев. Те еще фанфароны, пока владеют положением, но как огня боятся искренних чувств. Такие мужчины не переносят женских слез. Он бы что угодно сделал, лишь бы я перестала рыдать. С нищетой, конечно, был риск перегнуть палку, но я чуяла, что сердце у него доброе, а бахвальство только на словах.

Подняв с земли мешочек и свечу, ведьма рассовала их по карманам.

– погоди, я ему это все еще и перепродам с наценкой. Как тебе такое?

Я закашлялась, согнувшись пополам и отплевываясь озерной водой. А потом сообразила, одновременно с ведьмой,

что это не кашель, а смех, и мы вдвоем расхохотались на весь полночный лес.

— Будешь колдовать сегодня? — спросила я, наконец отдышавшись.

Ведьма, посерьезнев, покачала головой.

— Надо подготовиться и придумать, как лучше усилить чары. Может, завтра после заката?

Я кивнула и побрела обратно к воде. Темперанс догнала меня, и мы вместе нырнули в озеро.

* * *

Следующая ночь пришлась на новолуние. Мы с Темперанс всплыли на поверхность сразу после захода солнца, под темным пустым небом. После долгих обсуждений мы решили провести обряд на восточном берегу: чем ближе к деревне, тем больше шансов на успех.

Поскольку Темперанс плохо видела в темноте, я помогла ей очертить на земле магический круг, процарапав его веткой вяза. Когда круг замкнулся, ведьма шагнула внутрь и принялась разбрасывать фиалки. Цветы, подхваченные ветерком, легко опускались на землю, их лепестки трепетали, словно крылья ночных бабочек. Темперанс что-то бормотала себе под нос. Я не разбирала слова, но, кажется, это был старый язык, на котором люди в деревне говорили много сотен лет назад. Когда же именно? Пожалуй, я его не слышала

с тех пор, как построили церковь. Древнеанглийский, наверно. Или даже латынь.

Наконец цветы легли как нужно, и Темперанс взяла у меня вороньи перья и листья аниса. Поместив по одному перу на каждую сторону света, ведьма растерла листья в ладонях и намазала лоб и запястья. По воздуху разнесся сладковато-терпкий лакричный аромат. Потом она взяла подкову и положила у ног, концами к деревне.

Когда все это было готово, я отдала ведьме мешочек с пальцем убийцы. Она прицепила его к поясу, а волос келпи обвязала вокруг запястья. Волос был серый, блестящий от морской соли – должно быть, тот келпи жил в заливе. Наконец ведьма взяла свечу и аккуратно поместила ее на подкову. Кивнула мне, и я сунула в рот левый указательный палец и сжала зубы. Ощувив во рту холодную кровь, я стала на колени у границы круга и капнула из пальца на свечу: раз, два, три.

Темперанс улыбнулась и сделала мне знак отступить, потом подняла руки на уровень пояса ладонями вверх. Закрыв глаза, она принялась нараспев говорить что-то на том древнем языке. Я не могла различить отдельных слов, но смысл, кажется, понимала. Ведьма пела о снах и грезах. Мир подернулся дымкой, очертания расплывались, вода становилась сушей, а суша – водой. Все превратилось в сон, морок, видение. Я опустила глаза и увидела, что свеча у ног Темперанс горит ослепительным белоснежным пламенем. Замор-

гав и попятившись к озеру, я стала смотреть на ведьму. Когда я вошла в воду, она оттолкнула от меня заклятье, и мысли прояснились. Теперь я видела, как волшебство расцветает у ведьмы в руках. Вот она послала его вперед, и чары волной устремились к деревне.

Я ощутила это движение – ведь там была и капля моей крови. Чары скользили вверх по холму, точно паводок, накрывая удирающих мышей и кроликов, спавших у себя в норках. Чем больше живых созданий вбирало в себя колдовство, тем сильнее оно становилось, волна поднималась выше, омывая теперь собак, кошек, свиней во дворах на окраине деревни. Добравшись до первого дома, заклятие протекло сквозь щели в деревянных ставнях и обняло собою спящее семейство: жену, мужа и детей. Это были тихие, нежные чары, они касались мягко и ласково – так материнская ладонь гладит лоб ребенка, которому приснился кошмар.

«Тише, тише, – шептали чары, – это был просто сон. Я здесь, все прошло». У каждого в голове звучал голос его собственной матери, но и Темперанс, какой они ее знали, вспоминалась всем: молодая, красивая женщина, вот она качает на руках сына, обнимает дочку, смеется, целует мужа, перевязывает рану соседу. Колдовство вытесняло дурные мысли, смывало страх и ненависть. Я смотрела, как ведьма хмурится, видя себя глазами тех, кто пытался ее утопить.

Темперанс пела и пела, чары уже накрыли первые три дома, перетекли через улицу и снова поднялись волной, омы-

вая еще с полдюжины строений. Ведьма на миг замерла, когда волшебство коснулось мужчины с двумя детьми, спящих вместе на широкой кровати. Отец обнимал дочку и сына, и лица у всех были мокрые от слез. Пламя свечи задрожало, и чары едва не растаяли, но ведьма встряхнулась и продолжила петь.

Колдовство перекатилось через пустую церковь – попасть за ограду оно не могло – и устремилось к стоящему рядом дому священника. Оно стало подниматься по стенам, и Темперанс глубоко вдохнула, готовясь пробраться в логово врага.

Вдруг она запнулась. Что-то внутри каменных стен воспротивилось ее заклятию. Другое колдовство – ярче и темнее, чем у ведьмы. Она попыталась опять, направив все силы на дом проповедника и ища какую-нибудь лазейку. Пламя свечи взвилось кверху, сияя, как звезда, жарким белым светом.

Но та, другая магия не отступала. Она просочилась наружу сквозь стены дома, не пуская ведьмины чары, как масло не пускает воду. А потом полилась на дорогу, обращая чары забвения в бегство. Она росла, поднималась, как грязевой поток, окатывая улицы и дома, и наконец вырвалась из деревни и понеслась через поле к берегу озера, прямо туда, где стояли мы с ведьмой.

Темперанс ахнула, сжав левой рукой мешочек, а правую вскинув навстречу потоку. Свеча горела все ярче и ярче, так

что больно было смотреть, но волна неумолимо приближалась.

Я поняла, что ведьма не справится, что враг слишком силен. Темная жижа вот-вот накрыла бы нас обеих и бог знает что сотворила бы с ведьмой.

«Беги! Спасайся!» – закричала я, но Темперамс не сдвинулась с места. Крепко упершись ногами в землю и напрягая все силы, она выкрикивала слова заклятия и отчаянно пыталась отразить волну. Пламя свечи застилало все вокруг; я уже не могла видеть ведьму, только ее силуэт на фоне слепящего света. А потом свет погас.

Нахлынула тьма, а за ней сокрушительная колдовская волна. Последняя вспышка меня ослепила, но я призвала к себе озеро, протянула к ведьме водяные руки, схватила ее за талию и дернула назад. Ведьма упала в озеро с громким всплеском, и я тут же подняла вдоль берегов водяные стены, вложив в них всю чародейскую силу, какая только у меня была.

Жижа по ту сторону вздулась, ища брешь в защите. Поднялась, стараясь перелиться сверху или обойти стену. Я протянула еще воды и замкнула живой сверкающий купол, заключив под него все озеро целиком. Жижа облепила его темными щупальцами, но я держала крепко. Это мое озеро, и я смогу его защитить. Эти стены будут стоять хоть вечно.

И в конце концов чернота отступила. Она вернулась в деревню, оставив на всем, чего коснулась, тонкий слой колдов-

ства. Я следила, как вся эта грязь уходит обратно в пасторский дом. Только убедившись, что она там и останется, я отпустила купол. Он разбился на несметное число сверкающих капель и рухнул шумным дождем. Темперанс как громом пораженная сидела в воде у моих ног. Она все силы отдала своим чарам, а эта странная магия отбила их с такой легкостью.

Я поманила пальцем, и озерная вода принесла нам то, что осталось от ритуала. Лепестки и перья распались на мелкие кусочки, подкова почернела и покрылась чем-то липким. Я собрала все и повернулась к Темперанс. Та взглянула на меня и с трудом поднялась на ноги.

– Что за... – начала она хриплым и ломким голосом.

– Нет, – перебила я, – молчи. Оно еще здесь.

Ведьма замолчала и вброд подошла ко мне. Я взяла ее за руку, и мы нырнули под воду, направляясь к туннелю. У Темперанс не было сил наколдовать себе воздух, и я плыла как можно быстрее, увлекая ее в безопасное место.

Глава 5

Оставив Темперанс в пещере, я сразу вернулась обратно в озеро. Та чужеродная сила, что разрушила наше заклятие, все еще пребывала в деревне. Мы бросили ей вызов, и она вполне могла явиться опять, чтобы поквитаться с нами. Если эта грязная магия приползет сюда, я ее встречу и не пущу дальше кромки воды. У себя в озере я почти неуязвима; даже высшим фейри пришлось бы потрудиться, чтобы со мной совладать. Сила Дженни – это сила воды, а мое озеро большое и чистое.

Но будь оно поменьше, я бы не справилась. За всю свою долгую жизнь я не встречала ничего подобного. Это меня пугало. Что за угроза таится в доме священника, отравляя деревню и всех ее жителей? Чары Темперанс были сильны, ведь она боролась за свой дом, а предметы, купленные у го-

блина, еще прибавляли мощи. Но темная жижа едва не раздавила ведьму, как ребенок муравья. Кто это был? Другая ведьма или колдун, новая Моргана или Никневин?⁵ Что они забыли тут, в крохотной деревушке? Я бы в юные годы лучше отправилась в большой город, Лондон или Йорк, чем тратить время на такое захолустье.

После сияния ведьминой свечи ночь казалась особенно темной. Я поплыла вдоль берега, держась под самой поверхностью воды. Озерные жители были встревожены: рыбы кидались от меня врассыпную, молчали обычно громкие лягушки. А в небе – ни сов, ни летучих мышей, одна чернота с россыпью мелких звезд.

Огибая озеро в пятый раз, я остановилась прямо напротив места, где колдовала Темперанс. Протасив ее к воде, я разорвала магический круг. Но даже в таком виде он мог вызывать подозрения, и я послала на берег волну, чтобы смыть остатки колдовства. Когда волна вернулась в озеро, я ощутила привкус той, другой магии – она прилипла к воде, как масляная пленка.

Вкус был древесный, хвойный. Поначалу почти что сладкий, но чем дольше я держала воду на языке, тем больше она отдавала гнилью. Я увидела темный лес, такой густой, что свет не проникал сквозь кроны, и внизу, на земле все было

⁵ Фея Моргана – волшебница, персонаж английских легенд артуровского цикла. В легендах она часто предстает как противница Мерлина, строящая козни против рыцарей Круглого стола. Никневин – в шотландском фольклоре королева фей, ассоциируемая с темной магией и потусторонними силами.

мертво. Ни зверя, ни насекомого, ни ветерка, что шевелил бы палую листву. В глубине леса лежала туша большого оленя. Ползучие стебли оплели его витые рога, а на груди у зверя зияла глубокая рана, черная и гниющая изнутри.

Я сплюнула воду. Что-то очень страшное засело в той деревне; даже след его присутствия был чистым, беспримесным злом. Я собрала вокруг себя зараженную воду и обратилась к самой глубине моей волшебной силы. Я вспомнила, как проникают в землю древесные корни, как сочатся влагой стены известняковых пещер. Яд растворился, и я выдохнула с облегчением.

Я провела в озере всю ночь, зорко следя за деревней. Однако там не было никакого движения, ни лая собак, ни даже уханья совы, сцапавшей когтями мышь. Мои силы ушли на защиту озера и очищение воды, и мне очень хотелось вернуться в пещеру и поспать. Но я оставалась на страже. Ночь тянулась и тянулась, и когда небо на востоке наконец-то слегка посветлело, усталость почти взяла верх. И все-таки я дождалась, пока солнце не взошло над горизонтом и не окрасило деревенские крыши в бессмысленно нежный розовый цвет, – и только тогда опустилась на глубину.

* * *

Темперанс все еще не спала. Я выбралась из воды и села рядом с ней. Ведьма дрожала, но в кои-то веки я не подума-

ла, что это из-за меня. Вид у нее тоже был изнуренный: глаза запали, кожа посерела, даже кудряшки висели безжизненно. Остатки колдовских предметов валялись там, куда я их бросила, когда мы вернулись в пещеру. Я собрала все и аккуратно положила к остальной моей коллекции. Свеча сгорела полностью, осталось лишь колечко грязного воска, но даже его я не стала выбрасывать.

Я опустилась на колени рядом с Темперанс и увидела, что она до сих пор дрожит. Взяв ведьму за руку, я стала снимать волос келпи с ее запястья. Она так сильно сжимала кулаки, что волос врезался в кожу до крови. Хотя от усталости я плохо соображала, но почуяла запах и поняла, что очень голодна. Ловить рыбу не было сил – придется обойтись кореньями. Размотав последний виток, я опустила ведьмину руку в воду, чтобы смыть кровь, потом оторвала лоскут от ее юбки и перевязала рану.

– Спасибо, Дженни, – тихо сказала Темперанс.

Я улыбнулась ей, не разжимая губ, и принесла кореньев из груды, сложенной у входа.

– Вот, – сказала я, – поешь, тебе нужны силы.

Ведьма безучастно взглянула на клубень, но поняла, что я права, поднесла его ко рту и откусила. Я тоже захрустела едой, стараясь не думать о запахе крови.

Темперанс дожевала клубень и взглянула на меня.

– Что это было... там? Я такого никогда не видела.

Я пожала плечами.

– Не знаю. Я тоже никогда. Но оно тебя чуть не убило и меня бы одолело тоже, если бы я осталась на суше. Оно очень сильное и очень злое.

– Злое, – прошептала Темперанс. – Когда я тебя встретила, то почти поверила, что злого колдовства не существует. Я решила, что сказки всё врут.

Я нахмурилась. Не такой вывод ей надо было сделать. Если я ее не съела, это еще не значит, что я добрая. Я не добрая. И не злая. Я такая, какая есть.

– Бывает магия злая и добрая, как бывают злые и добрые люди, – сказала я, тщательно подбирая слова. – Но мы, низшие фейри, обычно не добрые и не злые.

И я опять откусила клубень.

– Но ты сказала, что в деревне – злая сила, – настаивала ведьма.

Я кивнула.

– Я нечасто так говорю. Что плохо для жертвы, хорошо для хищника. Мои щуки едят лягушек, но ведь щуки не злые. А вот то, что в деревне, – не просто злое. Оно неправильное. Его не должно быть. Ни здесь, ни где-либо еще.

Я помолчала и все-таки призналась:

– Я боюсь его, Темперанс.

Она изумленно взглянула на меня, а потом сказала:

– Я тоже боюсь.

Я отложила последний клубень.

– Поспи. Ты совсем измучена, это зло тебя чуть не убило.

Днем здесь нечего бояться. А вечером я сама пойду и проверю.

– А это не опасно? – спросила ведьма почти с тревогой. Как мило.

– Немножко опасно, но если что, оно меня не догонит. И я очень хорошо прячусь. Пусть попробует заметить.

И я улыбнулась как следует, сверкнув всеми рядами зубов. Ведьму передернуло. Готовясь ко сну, я видела краем глаза, что Темперанс за мной следит. Ничего, пусть помнит, кто я такая. Ведь то, что сидит в деревне, – гораздо хуже.

* * *

Мы провели в пещере долгий тревожный день, а вечером я попрощалась с ведьмой и поднялась на поверхность. Тонкий серебряный ломтик новой луны висел низко, едва освещая деревню. Я бы предпочла совсем безлунную ночь – тогда способность видеть в полной темноте дала бы мне преимущество. Но увы, ждать еще месяц было нельзя. Придется рассчитывать на осторожность и на то, что для деревенских жителей ночами еще слишком холодно и все сидят по домам.

Северный ветер шумел в кронах деревьев и ловил меня за волосы. Он словно шептал мне на ухо: «Вернись... Вернись в озеро...» Но я двинулась вперед, иногда спотыкаясь, – ноги не привыкли носить меня по суше. На полпути от озера до деревни я сдалась и опустилась на четвереньки. Так было

гораздо быстрее и удобнее, пусть и не слишком изящно. И зачем я пыталась идти как человек? Должно быть, за время, проведенное с ведьмой, я подзабыла свою истинную природу. Это плохо, нельзя этому потакать.

Я проскользнула между домами на главную улицу, притаившись на миг за чьим-то плугом. Во дворе дома слева проснулась собака. Она шагнула вперед, принюхиваясь и вглядываясь в темноту. Это была простая овчарка; конечно, я ее не боялась, но лай мне был бы ни к чему. Я глубоко вдохнула и зашипела сквозь зубы довольно громко и угрожающе. Собака наострила уши, вздрогнула и попятилась. Я зашипела снова – собака поджала хвост и, скуля, юркнула в дом.

Я побежала дальше. Было темно; в такой маленькой деревне, где никто не выходит из дому после заката, фонари на улицах не ставят. Главную дорогу много десятков лет назад замостили известняком – тогда устроили шумный праздник по этому поводу. Теперь камни уже истерлись от множества людских шагов. Я осторожно потрогала один булыжник. На дороге никого не было; я перебежала на другую сторону улицы и укрылась в высокой траве.

Дом священника стоял сразу за церковью. Я медленно и с оглядкой направилась к нему. Хотя было и темно, но я заметила, что деревня изменилась. Когда-то тут были мазанки из прутьев и глины, потом их сменили деревянные дома, а теперь уже и каменные. Я провела рукой по одной из стен. Тоже известняк. Но я не видела никогда, чтобы камень вози-

ли мимо озера; наверное, телеги приезжали по другой дороге. Странно, ведь я живу под боком у этих людей, а столько всего пропустила.

Церковь, днем полная народу, ночью стояла тихая и пустая. Я срезала путь через маленькое кладбище, перемахнув через каменную ограду. Теперь пасторат был прямо передо мной: обычный домик, такой же, как и прочие в деревне, но выглядел он темным и зловещим. «Я – Дженни, и это моя земля», – сказала я себе и двинулась к дому.

Я обошла пасторат, ища пригодное место для слежки. У всех домов, и у этого тоже, окна были плотно закрыты на ночь деревянными ставнями, но высоко на восточной стене тут сделали еще одно окошко, чтобы ловить первые утренние лучи. Еще раз оглядевшись, я подкралась поближе. На мою удачу, дом оказался сложен из крупных камней, по которым удобно взбираться наверх. Нашупав длинными пальцами выемки, я подтянулась, прижала ухо к камням и стала слушать.

Там кто-то был. По крайней мере двое. В глубине комнаты быстро и глухо стучало человеческое сердце. Похоже, самое обычное. А вот второе... Тоже сердце, но билось оно с трудом, медленно и неровно. Еще я слышала дыхание, совсем близко от стены. Хриплое, мучительное. Я представила, как слюна летит с губ у того, кто так дышит.

Я отклонилась назад и поискала, за что бы еще зацепиться, чтобы подняться повыше. Когти нашли щербину под са-

мым окошком, и я с великой осторожностью там притулилась, ловя звук дыхания и поджидая, не сдвинется ли с места кто-нибудь из тех двоих. Заглянуть внутрь я пока не решалась.

Пальцы стали неметь. Тот, обычный человек прошел по комнате, покашлял, что-то тихо произнес и даже чихнул. Неужели не чувствует, *кто* с ним рядом? Хотя ведь Темперанс за несколько недель тоже не увидела в Брэддоке ничего подозрительного.

Что-то капнуло мне на лицо, я всем телом передернулась и глянула вверх. Но нет, ничего. Показалось? И тут прилетела еще одна капля, прямо под левый глаз. Пошел дождь. Я вздрогнула с облегчением и крепче схватилась за стену. Дождь из легкой мороси перешел в ливень, ветер дул с востока, прижимая меня к дому. Человек бы, пожалуй, свалился, но мне, водяному созданию, дождь принес новые силы.

Наконец «обычное сердце» что-то сказала насчет дождя, а тот, кто дышал тяжело, ответил. Слов я не могла разобрать, но доски пола скрипнули, когда оба вышли на середину комнаты. Отлично, вот и нужный момент.

Я напрягла пальцы и подтянулась ровно настолько, чтобы заглянуть через подоконник. Сквозь стекло, залитое водой, было плохо видно, но в дальнем конце комнаты я разглядела женщину. Определенно простая смертная, с темными глазами, тонкие волосы убраны под крахмальный чепец. Она сидела на стуле у очага и что-то мешала в котле. Наверно, рагу.

С ней в комнате был священник. Сжатые губы, маленькие глаза – таким я его и запомнила с прошлого раза. Он был без шляпы, в длинной темной сутане. Сутана раньше казалась новее, а теперь подол был испачкан в грязи, а левый рукав обтрепан. Я смотрела на пастора: как будто бы все нормально, но его сердце, дыхание... Нет, он не человек.

Я скрылась под окном и задумалась. Не человек. Значит, не ведьмак и не колдун, но этого мало. Я должна точно знать, что это за существо.

Так, что же нам известно... Оно сильное, оно принимает человеческий облик, оно странно дышит, и сердце бьется не так, как должно. Его магия пахнет лесом, но этот лес чужой. Это не английский дух, не уэльский и не шотландский. Может, норвежская хульдра?⁶ Или даже арабский джинн?

Мои мысли прервал звук из комнаты. Я опять заглянула внутрь. Женщина подавала пастору еду. Она положила перед ним ложку и налила бокал темно-красного вина. Священник указал на очаг и что-то произнес – я не разобрала. Женщина подошла к огню, опустилась на корточки, взяла новое бревно и поворошила им в очаге. Пастор рывкнул на служанку, та уронила бревно и полезла в огонь голой рукой. Она брала горящие угли и клала их в медную грелку. Когда грелка

⁶ Хульдра – персонаж скандинавского фольклора. Выглядит как девушка с коровьим хвостом. Встретить хульдру можно в горах или в чаще леса. Хульдры красивы, и люди часто в них влюбляются, но если человек начал жить с хульдрой, вернуться обратно ему уже практически невозможно и он должен оставаться с ней до конца своих дней.

наконец наполнилась, рука у бедняжки была вся красная и опухшая. Пастор кивнул, и служанка, глотая слезы, понесла грелку в соседнюю комнату. Вернувшись, женщина сделала книксен, пастор махнул рукой и продолжил свой ужин.

Служанка сняла со стены плащ и шляпку и открыла входную дверь. Я замерла. Повернув налево, женщина шагнула на дорогу. Сейчас она пройдет совсем рядом со мной. Я не смела шевельнуться, чтобы она меня не заметила. Но служанка не поднимала глаз, она смотрела на свою руку, и даже до меня долетал запах паленого мяса. Подавив рыдание и прижимая к себе искалеченную руку, женщина плотнее запахнула плащ и поспешила прочь. Она даже не обернулась.

Теперь, когда пастор остался один, может быть, он себя раскроет. Я опять заглянула в окно. Сидя за маленьким деревянным столом, священник методично поедал рагу. По подбородку у него сбежала струйка бульона, и пастор опустил ложку. Но не взял салфетку, которую служанка оставила для него рядом с тарелкой. Открыв рот, пастор высунул длинный тонкий язык и собрал им капли с подбородка. Язык мелькнул всего на мгновение, и я заморгала, не веря собственным глазам. Пастор снова принялся за еду, а я все смотрела, шурясь и пытаясь разглядеть язык.

Но мне не повезло. Пастор доел рагу, поднял миску ко рту и допил остатки. Затем благочинно промокнул губы салфеткой, встал и принялся расстегивать сутану. Сняв верхнюю одежду, аккуратно свернул рукава и положил сутану на

стол, потом стянул через голову льняную нижнюю рубашку. Оставшись в одних брюках и ботинках, он шагнул к очагу.

Сев на корточки как можно ближе, пастор вытянул руки к огню. Слегка улыбнулся, будто жар приносил ему удовольствие. Что-то нарисовал пальцем в золе у самого пламени.

А потом он обернулся и посмотрел прямо на меня.

Я оцепенела, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Лицо у священника было вполне как у человека: глаза, нос и губы, все обычной формы и размера. Глядя на него издалека, я бы ничего странного не заметила, но вот так, в упор, я видела ясно, что это обман. Пастор улыбнулся чуть шире, обнажив человечески белые ровные зубы, и встал, не сводя с меня взгляда.

Его улыбка была пустая, как у репы на Хеллоуин⁷. И глаза такие же: мертвые, бесчувственные, ни страха, ни радости. За ними зияла дыра, ненасытная пропасть. Эта тварь сожрала бы не только людскую плоть – ей целого мира не хватит. И она разумна, но цель у нее одна: кормить эту черную бездну, эту разверстую пустоту.

Теперь я знала, кто это, но не хотела говорить вслух. Не хотела даже вспоминать его имя – мне казалось, что если вспомню, то этим придам ему сил. Но Темперанс... Она с ним боролась и выжила – это просто невероятно. Только теперь я поняла, что вчерашняя темная жижа легко могла бы

⁷ Фонари на Хеллоуин, которые сейчас традиционно делаются из тыквы, в Англии той эпохи вырезали из репы.

меня сокрушить, — она не очень-то и старалась, вот в чем дело.

Пастор шагнул к окну, держа руки за спиной. Я чуяла мерзкий запах его колдовства, он вился вокруг меня, проникал в ноздри, в рот, в уши. Я снова видела мертвый лес, гниющую тушу оленя. Смерть — часть жизни, ее естественный исход, но тут было другое. Пастор улыбался, и улыбка выдавала его насквозь гнилое нутро.

Я не могла ни двинуться, ни вдохнуть. Оставалось только одно. И я перестала держаться за стену.

Падая, я ободрала о камни локти и колени и больно приземлилась на траву. Теперь этот кошмарный взгляд меня не сковывал, я вскочила и бросилась наутек, чиркая когтями по мостовой. Темная жижа гналась за мной по пятам. Я метнулась через дорогу и вниз по холму, на бегу вызывая к сердцу озера.

Метрах в двадцати от кромки воды я прыгнула, и озеро взметнулось мне навстречу. Я нырнула в поднимающуюся волну и погрузилась почти до самого дна, но тут же всплыла на поверхность, готовая отбиваться от темной жижи. Но она не нападала, а лишь тихо плескалась у берега. Я собралась с силами, чтобы в любой момент возвести водяную стену.

Но жижа отступила. Она уползла вверх по холму и скрылась из виду. И почему-то я знала, что сегодня она не вернется.

Меня трясло, и по воде бежала мелкая рябь. Улыбка пас-

тора запечатлелась в мозгу, и темные глаза будто бы до сих пор на меня смотрели. Я еле сдерживалась, чтобы не сбежать без оглядки. Ведь я уже очень давно ничего не боялась и потому отвыкла быть храброй. Мне хотелось исчезнуть, уплыть из озера вниз по реке, оказаться как можно дальше от этого существа.

Конечно, Темперанс в конце концов поймет, что я не вернулась, и тоже спасется бегством. Может, нам уплыть вместе? Что бы ни замышляла эта тварь – имя я до сих пор не смела произнести, – река ведь ее остановит? Я вспомнила, какой неутолимый голод чернел во взгляде пастора. Станет ли река надежной преградой? Или ведьме надо бежать во Францию, а может, и еще дальше?

Что-то коснулось моей ноги, я дернулась и резко обернулась. Щука грустно взглянула на меня и скрылась в гуще водорослей. Я провела руками взад и вперед, чувствуя нежность озерной воды и пытаюсь отдышаться. Мало-помалу страх отступил, и тогда пришла ярость. Истовая, бездумная, эгоистичная. Это мои владения. Мои. Мое озеро, моя рыба, моя щука. Меня отсюда не прогонят, я не брошу их всех без защиты. Должен быть какой-то способ. Ведьма поможет, мы справимся.

Я нырнула и поплыла к пещере. Едва я появилась из туннеля, как Темперанс вскинула голову и бросилась ко мне.
– Дженни, слава богу, ты вернулась! Я уже стала переживать. – Схватив меня за руку, ведьма помогла выбраться из

воды. – Ты как? Вся дрожишь. Ты видела священника? – с тревогой спрашивала она.

Я отмахнулась и тяжело опустилась на пол, привалившись к стене пещеры.

– Ты поняла, что там случилось? – настойчиво повторила ведьма.

Я взглянула на нее. Темперанс отчаянно сжимала руки, и мне не хотелось говорить ей правду, но я знала, что должна.

– Да, я его видела. И я знаю, кто это. – Я глубоко вздохнула. – А пиво у нас еще есть?

Ведьма принесла бутылку и налила нам обеим. Потом, скрестив ноги, села напротив.

– Говори, Дженни. Мне надо знать, что это за тварь, – твердо произнесла она.

Длинным глотком я осушила чашку и поставила ее на пол.

– Все хуже, чем я думала. Там, в доме священника... Ольховый король.

Даже здесь, у себя в пещере, я содрогнулась от этого имени.

Но Темперанс не поняла.

– Какой король? – перепросила она.

– Ольховый. Он в мире один такой. Да больше и не надо.

Я потянулась за бутылкой и налила себе снова.

– В ваших сказках гоблины и Дженни – злые создания. А для нас злодей – Ольховый король⁸. Мы не знаем, откуда он

⁸ Ольховый король (*англ.* Erlking, *нем.* Erlkönig) – персонаж северогерманского

взялся. Самые старые сказки о нем пришли с Востока. Потом он долго жил в Германии, в Черном лесу⁹. Тогда мы впервые узнали это имя.

– То есть он... дух?

Ведьма недоуменно приподняла бровь.

Я покачала головой.

– Не совсем так. Моя мать говорила, что он – дыра, прореха в ткани природы. Считают, что раньше он не осознавал себя, но разум его проснулся, когда эта бездна поглотила слишком много живых существ. И теперь он бродит по земле, ища новые жертвы, но никогда не сможет насытиться.

Не знаю, как он здесь оказался. Я не слышала ничего ни от Бракуса, ни от других знакомых фейри – никаких слухов, что Ольховый король пришел в Британию. Не знаю, что ему нужно, почему он выбрал именно Чиппинг-Эпплби. Даже представить не могу, какие ужасы он задумал.

Темперанс сидела бледная как полотно.

– Как его остановить? – спросила она.

Я пожала плечами.

фольклора. По легендам, если дети слишком долго остаются в лесу, Ольховый король преследует их и убивает одним прикосновением. Имя персонажа, по распространенной версии, происходит от датского *ellekonge* – король эльфов, однако в немецком языке созвучно также со словом *Erle* – ольха. В России он известен благодаря балладе И. Гёте *Erlkönig* в переводе В. Жуковского, где был назван Лесным царем.

⁹ Черный лес (Шварцвальд, нем. *Schwarzwald*) – гористый регион на юго-западе Германии на границе с Францией, где происходит действие многих сказок братьев Гримм.

– Не знаю. Должно быть, это возможно – всему есть начало и конец. Но это высшее знание, не по моей части.

Темперанс молчала. Я осушила чашку и налила еще.

– Он меня видел сегодня – я ничего не могла поделать. И гнался за мной до самого озера. Темперанс, боюсь, я не смогу тебя защитить. Наверно, он рассчитывал, что я тебя сожру, для того и бросил в озеро. Но теперь знает, что план провалился. Он знает, что ты здесь, со мной, и выжидает, чтобы напасть на обеих. Тебе надо бежать, а потом, если получится, вызволить отсюда мужа и детей.

– Что значит «если получится»?

– Они давно в его власти. Может быть, уже поздно, – с болью сказала я.

Ведьма побледнела и отшатнулась.

– А как же ты, Дженни?

– Я пока останусь в озере. Здесь мой дом, и я его не брошу. Пошлю весть по реке другим Дженни. Когда Бракус опять придет, расскажу ему все, что знаю. Пусть он сообщит нашим, что в этих землях теперь опасно. А потом, может быть, я уйду и сама.

Ведьма долго не отвечала, отпивая из чашки маленькими глотками. И наконец произнесла:

– Я не могу уйти. Пыталась уже, больше не стану. Я заберу детей из деревни, чего бы мне это ни стоило. Найду способ. Может, встречусь с Бенедиктом, когда он пойдет в поле, или ночью прокрадусь в дом. А если не выйдет, попробую снова

и снова, до последнего вздоха, пока этот Ольховый король
меня не убьет.

Я смотрела на хрупкую смертную женщину и черпала си-
лу в ее словах. Раз она готова бороться, то не сдамся и я.

– Я помогу тебе, Темперанс Крамп. Если позволишь.

Ведьма улыбнулась и взяла меня за руку.

– С радостью, Дженни. С радостью.

Глава 6

Я поспала немного днем – вылазка в деревню была утомительной. Когда я проснулась, Темперанс сидела на краю пещеры, болтая ногами в холодной воде. В правой руке у нее был огненный шар, а левой ведьма создавала порывы ветра и направляла их сквозь огонь.

Дальнюю стену пещеры то и дело обдавало рыжим пламенем, и, судя по многим подпалинам, ведьма занималась этим уже довольно давно.

Я потянулась и громко зевнула, выползая из гнезда.

Темперанс обернулась, коротко мне кивнула и снова с видимым удовольствием принялась истязать ни в чем не повинную стену.

Я немного понаблюдала, а потом заметила:

– Боюсь, что против Короля это мало поможет. Говорят,

он только сильнее становится, когда на него нападают.

– А я не для него стараюсь, – пропыхтела ведьма, швыряя в стену очередной столб огня. – Просто хочется сжечь что-нибудь.

Приняв это к сведению, я стала убирать постель, чтобы ее не задела какая-нибудь случайная искра. И тут заметила на полу рядом с Темперанс несколько пустых бутылок. Похоже, мои запасы сильно сократились. «А пополнить их будет трудно, ведь Бракус больше не приходит», – огорченно подумала я.

– Может, для начала протрезвеешь? Соответствуй, раз уж тебя так называли¹⁰. И вообще, пить с утра пораньше вредно.

¹⁰ Темперанс (*англ.* temperance) – умеренность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.